

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

ССХХХ

Salamandra P.V.V.

**Борис
СТРОНИН**

**ТАЙНА
БАББЛИНГ
ВЭЛЛ РОД**

Детективный
роман

Salamandra P.V.V.

Стронин Б.

Тайна Бабблинг Вэлл Род: Детективный роман. Подг. текста и прим. М. Фоменко. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2017. – 132 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. ССXXX).

Британские детективы Прайс и Грог расследуют серию загадочных убийств в Международном сэттльменте Шанхая двадцатых годов. Мало-помалу в руках у них оказываются нити куда более зловещего заговора...

Роман «Тайна Бабблинг Вэлл род», подписанный именем никогда не существовавшего Бориса Стронина, был впервые издан в Шанхае в 1937 г. и переиздается впервые. Издание его продолжается в серии «Polaris» ряд публикаций фантастических и приключенческих произведений писателей русской эмиграции.

**ТАЙНА
БАББЛИНГ
ВЭЛЛ РОД**

Детективный роман

Б. СТРОНИН

Тайна Бабблинг Вэлл Род

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

Издательство „С Л О В О”

238 Ave du Roi Albert

Шанхай

1937 г.

Глава I

УБИЙСТВО В КИНО

То, о чем я хочу передать на этих страницах моим читателям, совсем не является плодом досужей фантазии, рассчитанной на разжигание интереса публики и популяризации моей скромной повести.

Все описанные здесь люди и события так же реальны, как и мы с вами, дорогие читатели. Все описанное здесь, действительно, было и происходило в городе Шанхае, в этом «желтом Вавилоне», как его любят называть газеты.

Правда, все описанные мной события произошли около пятнадцати лет тому назад, когда Шанхай еще был простым колониальным городом, но с большим будущим. Русских в Шанхае можно было насчитать по пальцам. Но как раз в данном случае, в событиях, описываемых мной, русские играли далеко не последнюю роль.

Рано утром, часов около семи, в золотое время шанхайской осени 192... года, кули и бой¹, работавшие в европейском кинематографе «Пикадилли», явились убирать помещение кинематографа и контору.

Благополучно справившись с работой в темном и прохладном зале кинематографа, бой отправился чистить контору и кабинет управляющего кинематографом — испанского гражданина синьора Толедоса.

К своему удивлению, бой нашел, что дверь в кабинет управляющего заперта на ключ.

Решив, что синьор Толедос запер с вечера кабинет по рассеянности и также по рассеянности положил ключ себе в карман, бой отправился в главное отделение конторы рядом. И, взяв запасной ключ, открыл дверь кабинета. В тот же момент тишину утра нарушил резкий крик испу-

¹ Слуга (англ.) (Здесь и далее прим. ред.).

ганного боя.

В конторе управляющего дарил полный разгром. Стулья были перевернуты. Большой письменный стол сдвинут с места. Легкая этажерка, стоявшая рядом с письменным столом, сломана и также лежала на полу. Одна из тяжелых гардин, закрывающих два окна кабинета, была сорвана с колец и лежала грудой тяжелых бархатных складок. Создавалось странное впечатление, что ночью в кабинете синьора Толедоса произошел неожиданный тайфун, причинивший весь этот разгром в просторной и комфортабельно обставленной комнате.

Но не этот разгром испугал боя и заставил его кричать диким голосом на все здание кинотеатра.

Его испытанный взор остановился на фигуре самого синьора Толедоса, распростертого на дорогом тяньцзиньском ковре в луже крови, мрачно черневшей вокруг его головы.

Синьор Толедос был мертв и, по всем признакам, умер насильственной смертью.

На крик боя сбежались кули, работавшие в здании театра. Также насмерть перепуганные представившейся их взору мрачной картиной, они долго кричали и жестикулировали перед дверями кабинета, не решаясь войти внутрь, пока один из них, наиболее догадливый, не бросился к телефону и не вызвал полицию.

Через полчаса к месту происшествия прибыли два английских детектива, полицейский инспектор и даже полицейский врач, с большим трудом разбуженный дома.

Представители власти прежде всего заперли двери театра, поставив у дверей полисмена-индуса с приказом впускать всех, кто пожелает войти, кроме любопытных, но не выпускать из здания ни одной души без разрешения полицейского инспектора.

Затем детективы принялись за осмотр тела синьора Толедоса.

Осмотр трупа выяснил, что синьор Толедос был убит с помощью бритвы, перерезавшей ему горло от уха до уха. Страшная кровоточащая рана была причиной почти мгновенной смерти несчастного испанца. Самой бритвы в каби-

нете не оказалось, несмотря на тщательные поиски. Но зато детективы нашли целый ряд интересных улик.

На столе покойного испанца лежала записка, написанная торопливым женским почерком на английском языке, приглашавшая синьора Толедоса к 5 часам на чай в помещение кабаре «Старый Карлтон»¹ на Нинпо род.

Затем, на широкой кушетке, стоявшей в углу, один из детективов нашел две длинные металлических шпильки, которыми обычно португалки поддерживали свои красивые, хитроумные прически, делая из волос нечто вроде «бандо»².

В заключение, на пиджаке убитого было найдено три длинных золотистых волоса, несомненно принадлежавших женщине.

Средний ящик письменного стола был открыт и все бумаги, находившиеся в нем, были перепутаны и разбросаны в страшнейшем беспорядке, как будто кто-то торопливо искал в столе какие-то важные для него бумаги.

В этом же ящике лежала выручка кинематографа, которую синьор Толедос имел привычку забирать у китайца-кассира через полчаса после начала вечернего сеанса и прятал себе в стол, чтобы утром отправить в банк. Выручка последнего вечера равнялась тремстам долларам и вся она находилась в целости и сохранности в ящике стола.

Таким образом, было ясно, что мотивом к убийству никак не могло служить желание легкой наживы.

После первого обыска детективы собрались в соседней комнате, служившей главной конторой, пока полицейский врач производил более тщательный осмотр тела убитого, перенесенного на софу.

К двум детективам — Прайсу и Грогу, прибывшим вместе с полицейским инспектором Барроусом, к этому времени в театр прибыл сам начальник полиции Международ-

¹ Известное увеселительное заведение в старом Шанхае.

² Женская прическа с пробором и волосами, закрывающими уши и края щек, а сзади уложенными узлом или пучком локонов.

ного Сеттльмента¹, полковник английской службы Гойер вместе со своим помощником Бахом.

Дело с первого момента приняло самый сенсационный характер. Еще бы — убийство европейца, существа, пользующегося правами экстерриториальности, недоступного для китайского законодательства. Убийство, совершенное в самой таинственной и мистической обстановке. Убийство, совершенное не ради денег, не ради корысти, а ради каких-то неизвестных и непонятных целей.

В конечном итоге, присутствие какой-то, также таинственной, роковой женщины во всем этом мрачном происшествии только еще усилило жуткую таинственность всех этих событий.

Полковник Гойер пробыл на месте происшествия полчаса, лично ознакомился с деталями убийства и уехал обратно, назначив на следствие по этому делу молодого, но многообещающего детектива Прайса.

— Помните, Прайс, что это одно из сенсационнейших событий в уголовной хронике Шанхая, — заметил на прощанье полковник Гойер. — Не каждый день в нашем городе убивают европейца. Кроме того, все это происшествие носит самый сенсационный характер. Работайте, как умеете, но доведите дело до конца. Помните, что вся ваша дальнейшая карьера зависит от этого дела.

Прайс хладнокровно кивнул головой.

— Я понимаю это, сэр, — почтительно ответил он.

После ухода начальства Прайс закурил новую сигарету и весело взглянул на своего товарища — тонконового ирландца Грога, оставленного ему в помощь при следствии.

— Ну, старина, — заметил Прайс, садясь на край конторского стола и непринужденно болтая ногами, как будто забыв, что в соседней комнате врач возится с мрачным трупом. — Что ты скажешь на это? Огромный шанс для продвижения, не правда ли?

Грог пожал худыми плечами.

¹ См. коммент. на с. 130.

— Посмотрим сначала, как ты справишься с этим, — флегматично ответил он.

— От такого дела можно получить повышение и известность, но в то же время, если вы провалитесь, то вам не миновать опалы, — вставил полицейский инспектор Барроус, покачивая головой. — Дело не носит ясный характер. Вам придется попотеть над ним.

— Конечно, — сейчас же согласился Прайс. — Но все же, на моей стороне есть и шансы. Посмотрим же, что мы знаем уже сейчас. Прежде всего, мы знаем, что синьор Толедос был не женат. Второе, мы знаем, что убийство не могло быть совершено китайцем. Такое смелое нападение и такая борьба могла быть произведена только европейцем. А европейца легче найти в Шанхае, чем где-нибудь в Нью-Йорке или Чикаго. Третье: мы можем предполагать, что, как и всегда, в этом деле нужно «шерше ля фам», то есть искать женщину. Это еще более упрощает нашу задачу. Нет сомнения, что личный бой синьора Толедоса знает очень многое об амурных похождениях своего господина. Но для начала вызовем на допрос местного боя.

Местный бой, испуганное дрожащее существо, был введен в контору высоким и бравым полисменом-китайцем. Бой шел довольно покорно, но озирался кругом испуганным взглядом загнанного кролика. При виде блестящих пуговиц и мундира инспектора Барроуса он задрожал еще сильнее.

— Подойди сюда и не бойся, — спокойно начал Прайс. — Ты говоришь по-английски?

— Говорю, мастер, — боязливо ответил бой.

— Как давно ты работаешь в этом театре?

— Три года.

— Кто нанял тебя сюда?

— Сам мастер Толедос.

Задав ряд обычных вопросов о том, как его зовут, сколько ему лет, женат ли он, откуда родом и так далее, Прайс перешел к более интересной теме.

— Скажи, все ли служащие в театре любили мастера Толедоса и не было ли у него здесь каких-нибудь врагов?

— Никогда, — горячо воскликнул бой. — Мастер Толедос был очень хороший человек. Он, правда, был строг и взыскивал за всякое упущение, но он был справедлив и не наказывал по пустякам.

— Скажи, как много времени проводил мастер Толедос здесь, в театре?

— Он приходил обычно часам к 10 и работал до обеда. Затем он приходил к трем часам дня, к началу первого сеанса. Потом в четыре часа он уходил домой и возвращался только после ужина, часам к девяти вечера, когда начинался вечерний сеанс. Иногда днем происходил просмотр картин.

— В то время, когда мастер Толедос сидел здесь в кабинете или находился в театре, к нему приходили в гости европейские дамы?

Бой усиленно наморщил лоб, как бы пытаясь вспомнить прошлое.

— Да, — после длительной паузы ответил он. — В последний год к нему приходила одна молодая европейская дама. Она бывала часто в театре и билетер всегда пропускал ее без билета.

— Какова собой эта дама?

— Красивая дама, с большими светлыми глазами.

— Блондинка?

— У дамы были длинные волосы золотого цвета.

Прайс торжествующе взглянул на Грога и Барроуса, после чего продолжал дальше допрос.

— Когда эта дама была здесь в последний раз?

— В прошлое воскресенье.

— Сегодня пятница. Пять дней назад. Прекрасно. Она тоже смотрела картину?

— Нет, она прошла тогда прямо в контору, где мастер Толедос писал письма.

— Она долго пробыла там?

— Около часа. Они ссорились.

— Ссорились? Это уже совсем интересно. Почему ты знаешь, что они ссорились?

— Потому что мастер Толедос сильно кричал, а золотая дама плакала. Я был здесь в этой комнате и слышал. Потом мастер Толедос велел мне идти в театр и я видел, как через полчаса золотая дама вышла из конторы, села на рикшу и уехала.

— А что делал мастер Толедос?

— Он тоже ушел домой и далее не вернулся к вечернему сеансу, так что кассиру пришлось взять деньги с собой, чтобы не оставлять их в кассе.

— С тех пор ты не видел здесь золотой дамы?

— С тех пор она не приходила сюда.

— Я говорил, что в этом деле нужно искать женщину, — торжествующе заявил Прайс, обращаясь к Грогу и Барроусу. — Я абсолютно уверен, что женщина сыграла роковую роль в убийстве Толедоса.

— И вы будете правы в своем утверждении, — заявил появившийся на пороге кабинета полицейский врач. — Потому что я обнаружил сейчас в зрачках убитого застывший образ какой-то женщины с поднятой рукой. Увеличив этот образ фотографическим лучом, я дам вам карточку с этой роковой незнакомки и, может быть, мы узнаем, кто же убил синьора Толедоса.

Глава II

КТО ОНА?

На другой день все местные английские газеты были полны сенсационным описанием убийства синьора Толедоса.

Ловкие репортеры сумели узнать все, что было известно о «золотой даме», какими-то странными нитями связанной с жизнью и смертью синьора Толедоса. А сообщение полицейского врача о застывшем в зрачках убитого образе какой-то женщины с поднятой рукой еще более усиливал лихорадочный интерес немногочисленной шанхайской колонии европейцев. Они почти все знали друг друга если не по имени, то в лицо. А такой человек, как синьор Толедос, будучи управляющим одного из пяти местных европейских кинематографов, конечно, был известен в лицо всем проживающим в Шанхае. И, поэтому, его судьба заинтересовала всех и каждого.

О личности таинственной «золотой дамы» также ходили самые разнообразные версии. С первого же момента ее, конечно, определяли как тайную любовницу красивого испанца, может быть, чужую жену, так как во всех ее встречах с синьором Толедосом лежал элемент загадочности, осторожности и какой-то секретности.

Синьор Толедос был холост или, вернее, вдовец, потерявший жену пять лет тому назад, при поездке на родину, где его жена умерла от воспаления легких. Таким образом, он лично был совершенно свободен и не был обязан давать отчета кому бы то ни было в своих поступках.

Но почему же, в таком случае, такая осторожность при встречах с «золотой дамой»?

Ясно, что эта таинственность происходила ради нее, ради ее репутации. Кто же такая эта «золотая дама»?

У синьора Толедоса было много друзей как среди испанцев, проживавших в Шанхае, так и среди представителей

других национальностей. Но никто из его многочисленных друзей не мог ничего оказать об этой «золотой даме» и даже указать на какую-либо даму, знакомую с синьором Толедосом и подходившую под описание, данное боем, служащим в кинематографе «Пикадилли». Единственным ключом к разрешению всей этой загадки являлся снимок со зрачков убитого испанца, в которых застыл образ какой-то женщины. Вся публика с ярым нетерпением ожидала появления этих снимков на страницах местной английской газеты «Норт Чайна Дэйли Ньюз».

Ждал этих снимков и молодой детектив Прайс, который накануне провел большую и утомительную работу по допросу всех служащих кинематографа, а также личного боя синьора Толедоса. Этот бой во время допроса выглядел загнанным, испуганным зверем и на все вопросы отвечал, что он ничего не знает и не помнит. Прайс выяснил лишь, что этот бой служил у синьора Толедоса всего два месяца, заменив старого боя, уехавшего к себе на родину в Нинпо, чтобы проведать семью.

Этот старший бой прослужил у синьора Толедоса более десяти лет и, конечно, знал очень многое из интимной жизни своего господина.

По требованию Прайса, власти Сеттльмента снеслись с китайскими властями провинции Цзянсу, прося разыскать и доставить в Шанхай для допроса «важного свидетеля» по делу убийства испанского гражданина синьора Толедоса — боя Ан-фу.

На другой день после раскрытия убийства, Прайс сидел в главном полицейском управлении на Фучжоу род, ожидая, когда полицейский врач, вместе с полицейским фотографом, проявят и отпечатают снимки с образа женщины, застывшей в зрачках синьора Толедоса.

По возмущенному требованию того же Прайса, представителей всех английских и китайских газет вежливо вывели из здания полицейского управления, с сообщением, что власти, к сожалению, не могут исполнить их просьбы и сообщить еще какие-либо добавочные сведения по делу об убийстве синьора Толедоса.

— И так уже сообщили им больше, чем достаточно, — возмущался Прайс, шагая крупными шагами по комнате и адресуясь к своему приятелю Грогу, сидевшему и ждавшему результатов съемки вместе с ним.

— Сразу видно, — продолжал Прайс, — что местные власти еще не привыкли иметь дело с такими сенсационными убийствами, как смерть Толедоса. Преступно и легкомысленно все сведения, собранные нами, были переданы всему обществу, включая и убийцу. Теперь он или она прекрасно информированы о том, сколько полиции известно по этому делу. И «золотая дама», конечно, постарается теперь уйти от нас как можно дальше...

— Верно, — согласился Грог, попыхивая трубкой.

В этот момент в комнату явился торжественный полицейский врач вместе с полицейским фотографом, неся с собой несколько роковых оттисков.

— Вот то, что интересует вас, джентльмены, — так же торжественно заявил врач, передавая снимки торопливо подскочившему к нему Прайсу.

На большом, плотном, еще сыром куске бумаги был снят увеличенный во много десятков раз зрачок синьора Толедоса. И на этом необычайном фоне резко выделялась фигура стройной, темной женщины с искаженным лицом и поднятыми вверх руками.

Длинные волосы незнакомки были распущены и широкими волнами падали на ее плечи.

На лице ее был отражен явный испуг, отчаяние, ужас — словом, гамма самых разноречивых и сильных ощущений.

Прайс и Грог долго молча смотрели на этот снимок, как бы стараясь выпытать у фотографии незнакомой женщины, что именно видела она перед собой в этот момент, когда жизнь синьора Толедоса отлетала от него.

— Да, — наконец пробормотал Прайс, не обращая ни к кому в отдельности. — Конечно, с такого необычайного снимка не можешь потребовать более ясного отпечатка, но, тем не менее, мне кажется, что едва ли эту женщину можно назвать «золотой дамой». На снимке похоже, что это брюнетка.

— Возможно, — подтвердил врач, пожимая плечами. — Но это совсем не аксиома. Узнать, брюнетка это или блондинка, вы можете, только встретив оригинал.

— Я не думаю, чтобы оригинал фотографии горел желанием встретиться с представителями власти, — угрюмо проворчал Прайс.

— И это тоже верно, — невозмутимо согласился врач.

Поговорив с врачом еще несколько минут, Прайс расстался с ним и вместе с Грогом направился сначала, чтобы рапортовать по начальству о новой улике в деле убийства синьора Толедоса, а затем отправился домой.

По возвращении домой, пока он с наслаждением принимал ванну, так как день выдался довольно жаркий, несмотря на конец сентября, к нему явился посыльный из главного полицейского управления с телеграммой от китайских властей Нинпо, сообщавших, что бой Ан-фу задержан в родной деревне, закован в кандалы и отправлен в Шанхай. Таким образом, через день можно было ожидать боя уже здесь, в Шанхае.

— Идиоты, — громко произнес Прайс. — Это называется перестарались. Заковать в кандалы главного свидетеля и этим самым отбить у него охоту вообще с кем-либо разговаривать.

Два дня прошли без каких бы то ни было событий. Тщательный обыск в комфортабельной квартире синьора Толедоса у Хонкью парка не обнаружил ничего существенного. Это была обычная шанхайская квартира холостого европейца, в достаточной степени обеспеченного и не отказывающего себе в комфорте.

На третий день в Шанхай, действительно в наручниках и кандалах, был доставлен бой Ан-фу, которого тюремные власти Сеттльмента прежде всего напоили, накормили, сняли кандалы, а затем, в сопровождении тюремного надзирателя, отправили на квартиру к Прайсу.

Прайс увидел перед собой невысокого, широкоплечего китайца с поседевшей уже головой и с угрюмым взглядом узко прорезанных глаз. На флегматичном желтом лице было написано явное равнодушие к своей судьбе. При появ-

лении в комнате Прайса, Ан-фу почтительно поднялся на ноги, поклонился почти европейским поклоном и застыл в ожидании допроса.

— Здравствуй, Ан-фу, — весело начал Прайс, желая расположить к себе угрюмого китайца.

— Здравствуйте, мастер, — почтительно и холодно ответил бой.

— Ты знаешь, конечно, почему тебя привезли в Шанхай?

— Знаю, мастер. Мне сообщили здесь, в тюрьме. Мой мастер, синьор Толедос, умер. Его убили его враги, — так же холодно ответил китаец.

— Враги? — быстро переспросил Прайс. — У него были враги?

— Врагов не имеет только посредственность, мастер, — сентенциозно ответил Ан-фу. — Каждый умный человек имеет врагов. У вас тоже есть враги, мастер. Мой мастер, синьор Толедос, был тоже умным человеком.

Прайс улыбнулся тонкому комплименту Ан-фу.

— Старый, умный черт, — промелькнуло у него в голове. — С ним нужно держать себя настороже.

— Ты жил долгое время у синьора Толедоса, не так ли? — продолжал допрашивать Прайс.

— Десять лет земля обходила солнце за то время, пока я служил у мастера Толедоса, — торжественно заметил Ан-фу.

— Десять лет — долгий срок. Ты должен хорошо знать как друзей, так и врагов своего хозяина.

Ан-фу пожал плечам и поднял глаза к небу.

— Как может скромный бой, покорный слуга своего господина, знать всех его друзей и всех его врагов, — уклончиво ответил он. — Никто в мире, даже сам человек, не знает, кто у него друзья и кто — враги. В черную минуту люди, считавшие себя друзьями, отворачиваются спиной, а люди, подходящие к вам с медовыми речами, таят на сердце своем холод вражды. А люди с горячими словами и гневными взглядами бросают жен своих и детей, чтобы спасти человека, который ненавидит их.

— Это миссионер какой-то, а не бой, — тоскливо подумал Прайс.

Он встал с кресла и долго ходил взад и вперед по комнате, обдумывая, с какой стороны вести дальше расспросы, чтобы скорее прийти до нужной цели.

Ан-фу стоял почтительно у кресла, покорно склонив голову и выражая всей своей невысокой, широкоплечей фигурой преданность и смиренное достоинство слуги.

— Китайский Тартюф, — с закипающим раздражением подумал про себя Прайс, останавливаясь у стола и выработывая дальнейший план действий.

Глава III

«ЗОЛОТАЯ ДАМА»

Чета Робинзонов собиралась покинуть Шанхай и выехать в Соединенные Штаты. Отъезд носил несколько спешный характер. Еще месяц назад сам Джек Робинзон не предполагал, что ему придется в скором времени покинуть Дальний Восток и говорил своей златокудрой Эдит, что пройдут годы, прежде чем они снова увидят небоскребы Нью-Йорка или прерии Дальнего Запада.

Но вот пришло письмо от главного отделения его фирмы из Чикаго с предложением немедленно выехать к месту новой службы в Южную Америку.

Робинзон отнесся к этому известию с философским хладнокровием человека, уже достаточно мотавшегося по белому свету.

Он был инженер по образованию и, в качестве эксперта, часто посылался своей фирмой в самые забытые Богом уголки земного шара для того, чтобы ознакомиться с положением на месте и затем посылать официальные рапорты в совет директоров, которые в своей политике руководствовались всецело данными инженера Робинзона. Он пользовался неограниченным доверием и уважением в своей фирме, несмотря на сравнительно нестарый возраст в тридцать семь лет.

Он был дисциплинирован, малоразговорчив, исполнительен. Одно слово от совета директоров и он укладывал чемодан, собираясь то в долину озера Чад, то в снега Аляски.

Правда, с тех пор, как два года назад он женился на золотоголовой Эдит, ему неожиданно захотелось покоя, более оседлой жизни, семейного комфорта. Он намекнул об этом на одном из совещаний с директором-распорядителем. Тот усмехнулся и потрепал его по плечу.

— Я могу это устроить, Робинзон, — весело заметил он, — но едва ли вы найдете тихую пристань в обществе Эдит.

Я знаю ее с детского возраста. Она мечтательна, взбалмошна и темпераментна. Вы ищете покоя, а она — житейских бурь и треволений.

Робинзон пожал плечами, улыбаясь.

— Мы любим друг друга, господин Блеквуд, — коротко ответил он. — И Эдит уже не маленькая девочка. Ей двадцать семь лет.

— Знаю, — кивнул годовой Блеквуд. — Я помню только один случай, лет пять тому назад, когда она поссорилась с матерью и пропала из дому. Две недели вся американская полиция искала ее, подозревая похищение. А на третью неделю она преспокойно вернулась домой, объяснив матери, что теперь она «успокоилась» и не сердится на мать. Оказалось, что она просто переехала на Ист Сайд и поступила продавщицей в маленький магазинчик. Во-первых, для того, чтобы испытать «новые ощущения», будучи бедной продавщицей в мрачных кварталах Нью-Йорка, а во-вторых, чтобы как-то просуществовать вообще. Две недели ее вполне удовлетворили.

— Да, она рассказывала мне об этом случае, — слегка усмехнулся Робинзон.

— Этот случай очень ярко характеризует ее, мой мальчик, — поучительно заметил Блеквуд, закуривая новую сигару. — И не думайте, что пять лет утихомирили ее бурлящую натуру. Ей все так же хочется объять необъятное, узнать что-то новое, неизведанное.

— Я отправлю вас на Дальний Восток, — после некоторой паузы добавил Блеквуд. — В Шанхай. Вы произведете ревизию нашему шанхайскому отделению и системе разработки наших рудников в долине реки Янцзы. А Эдит будет интересно повидать Китай и убедиться лично, насколько были правы Мирбо и Пьер Лоти¹, описывая таинственный Восток.

¹ П. Лоти (1850-1923) – французский писатель, офицер флота, автор знаменитых в свое время «колониальных» экзотических романов; не совсем понятно, почему наряду с ним упомянут французский романист, драматург и художественный критик О. Мирбо (1848-1917).

После этого разговора чета Робинзон выехала на «Президенте Джефферсоне» в Шанхай. Джек — молчаливый, рассудительный, хладнокровный, и Эдит — вся трепещущая, порывистая, жадно впитывающая в себя новую, незнакомую для нее жизнь и обстановку.

По приезде в Шанхай чета Робинзонов поселилась в уютной, небольшой вилле по Бабблинг Вэлл род — самой красивой и широкой улице города, полной зелени, с неутомочно звенящими цикадами в жаркие дни шанхайского лета.

В то время, как Джек добросовестно работал в конторе и выезжал на инспекторские осмотры рудников в долину реки Янцзы, Эдит весело проводила время в Шанхае, поселилась на самых различных «парти», выезжая танцевать в «Старый Карлтон», купаться и загорать в Циндао, лазить по горам в Моканшане, отдыхать в Пейтахо и покупать сокровища китайской старины в Пекине.

Вокруг молодой, привлекательной, веселой женщины с эффектными золотыми локонами быстро образовался круг поклонников. Управляющие крупных иностранных контор, молодые дипломатические чиновники из местных консульств, таможенники и так далее и так далее.

Эдит веселилась, флиртовала, но никто из поклонников не мог похвастаться серьезной победой над златокудрой Эдит.

Самые отъявленные сплетники и сплетницы из среды старых дев и брюзг иностранного общества не могли создать сплетни и грязные слухи вокруг Эдит в связи с именем какого-либо определенного поклонника. По всем внешним признакам, Эдит любила своего молчаливого мужа и была верна ему.

— Очаровательная женщина, хотя и легкомысленна, — говорили одни дамы.

— Тонкая штучка и хитра, как черт, — ворчали другие, не находя все же никаких более веских данных к своим определениям.

Так незаметно промелькнули два года, когда, за месяц до убийства синьора Толедоса, Джек Робинзон явился од-

нажды вечером домой и за ужином сообщил Эдит:

— Дорогая, сегодня я получил письмо от старика Блеквуда. Меня вызывают в Рио де Жанейро. Наша компания приобретает там новые большие рудники и ей необходимо знать мое мнение, как эксперта, об этих рудниках. На этот раз я думаю, что мы задержимся в Южной Америке на несколько лет. Ты найдешь себе новых друзей и знакомых и так же не будешь скучать, как и здесь. Прежде всего, мы не будем жить в Рио де Жанейро, а в маленькой вилле на берегу моря, вдаль от городской пыли и шума. А, кроме того, самое главное, я буду зарабатывать там в два раза больше, чем здесь, в Шанхае.

Тени наступающих сумерек не дали возможности Робинзону заметить, как сильно побледнело лицо его жены при этом известии.

Она выпрямилась в своем кресле и тонкие пальцы ее судорожно сжали веер, находившийся у нее в руках.

— Уехать? — переспросила она немного дрогнувшим голосом. — Уехать из Шанхая?

— Что ж поделаешь, — пожал плечами Джек. — Мне самому нравится Шанхай. Да и ты, кажется, не скучала в нем, — с добродушным укором в голосе добавил он. — Но успокойся, милочка, Рио де Жанейро прекрасный город. Он понравится тебе.

Эдит хотела что-то сказать, но потом раздумала и промолчала. Только легкий веер треснул в ее руке и сломался.

Отъезд был назначен на середину сентября. В последний месяц перед отъездом из Шанхая Эдит резко прекратила все приемы и увеселения. Она много времени проводила дома, читая все один и тот же роман, и выходила только в кино. Правда, раз или два она выезжала в закрытом такси в каком-то неизвестном направлении и возвращалась обратно с лихорадочным румянцем на щеках и с блестящими от какого-то сильного возбуждения глазами. Но никто, кроме верной амы-китаянки¹, не знал об этих редких и таинственных отлучках из дома златокудрой Эдит Робинзон.

¹ Ама – букв. «бабушка», «матушка» (*ман. кит.*), здесь – старая служанка.

Днем, накануне отъезда из Шанхая, в доме Робинзонов царил полный разгром. Исчезли дорогие ковры и бесчисленное количество изящных безделушек с этажерок. Картины, купленные Эдит в Пекине, были сняты со стен и упакованы. В спальне также стало неуютно. Повсюду валялись вещи, стояли чемоданы и сундуки. Джек Робинзон методично и неторопливо укладывал свои костюмы в большой дорожный чемодан. Это дело он никогда не доверял слугам, предпочитая сам знать, где и что лежит у него в пути. К такому же порядку он приучил и Эдит. Она, хорошенькая, в легком кимоно, открывающим ее стройные ноги, также возилась над своим огромным чемоданом, укладывая какие-то безделушки, карточки, письма и другие сувениры.

— Ты читала сегодня газеты? — неожиданно спросил Джек, стоя спиной к своей жене и взяв над чемоданом.

— Нет, — равнодушно ответила Эдит, думая о чем-то далеком и чуждом этой комнате и этим раскрытым чемоданам.

— В деле убийства синьора Толедоса произведен первый арест, — спокойно сообщил Джек.

Эдит вздрогнула. Руки ее бесцельно перебирали письма в ящике чемодана.

— Арест? — деланно спокойным тоном переспросила она. — Кого же арестовала полиция?

— Старого боя синьора Толедоса, — пояснил Джек. — Своими показаниями на следствии он возбудил подозрения против самого себя и в результате полиция нашла необходимым задержать его, как соучастника убийства. Жаль, что мы уезжаем и не узнаем, чем кончится эта история. Я хорошо знал Толедоса. Встречался с ним несколько раз. Красивый парень. Да ты, конечно, тоже была знакома с ним.

— Да, — медленно ответила Эдит каким-то странным тоном, на который занятый муж не обратил никакого внимания. — Да. Я тоже была знакома с ним.

Она бесцельно возилась около чемодана, а затем вышла из спальни на просторную веранду.

Там она стояла долго, очень долго, бессмысленно глядя в зеленую гущу сада, пока голос амы не вернул ее к действительности.

— Что тебе? — недовольно спросила Эдит, отрываясь от своих тяжелых дум.

— Мастер Джек уехал на автомобиле в город и просил передать, что он вернется через час домой, — неторопливо ответила ама.

Эдит нетерпеливо пожала плечами.

— Прекрасно. Это все. Можешь идти.

— Нет, это не все, мисси. Внизу, в гостиной, сидит какой-то господин. Он прислал свою карточку и просит вашего разрешения повидать вас. Он говорит, что пришел по важному делу.

— Хорошо, — так же нетерпеливо воскликнула Эдит, выхватывая визитную карточку из рук амы. — Как ты всегда тянешь. Кто это такой? Опять какой-нибудь комиссионер или дорожный агент.

Но при взгляде на карточку сердце Эдит дрогнуло и краска сбежала с ее лица.

Карточка гласила кратко:

А. ПРАЙС

Детектив Ш. М. П.¹

Эдит стояла несколько секунд, сжимая карточку и сдвинув тонкие брови. Затем она глубоко вздохнула и спокойным тоном приказала ожидавшей ответа аме:

— Передай господину внизу, что я спущусь к нему через пять минут.

¹ Шанхайская муниципальная полиция (см. комментарии на с. 130).

Глава IV

ПЕРВОЕ ПОРАЖЕНИЕ

Прайс успел выкурить три сигареты и раз сорок измерить ширину пола комфортабельной гостиной Робинзонов, ожидая, когда хозяйка дома окажет ему честь и примет, чтобы выслушать его «неотложное дело».

Прайс, до некоторой степени, был даже рад этому долгому ожиданию, так как за это время он успел собраться с мыслями, еще раз обдумать весь будущий разговор с миссис Робинзон и возможные результаты этого разговора.

Прайс был еще молод и впервые в его карьере детектива он сталкивался с таким делом, где были замешаны европейцы и дамы общества. До сих пор он охотился за курильщиками опиума, за торговцами оружием или живым товаром. Там все было просто и ясно. Там не нужно было много деликатности и такта. Там требовалась смелость, решимость и быстрота действия. В этом же деле он просто не зная, как приступить к сложному и ответственному разговору с супругой одного из наиболее уважаемых представителей американской колонии, где каждый необдуманый шаг, каждое неосторожное слово могли повлечь за собой самые серьезные и чреватые осложнения.

Наконец, после почти двадцати минут ожидания, Прайс услышал легкий и быстрый стук каблучков по лестнице в вестибюле и в следующую минуту в гостиную вошла высокая, стройная молодая женщина с большими голубыми глазами и золотыми локонами, падающими на плечи.

— Золотая дама, — снова невольно мелькнуло в голове Прайса, склонившегося в почтительном поклоне.

— Добрый вечер, миссис Робинзон, — вежливо произнес он.

— Добрый вечер, господин Прайс, — последовал спокойный, размеренный ответ.

Молодая женщина легкой походкой прошла к открытой стеклянной двери, выходявшей на веранду, и грациозно опустилась в глубокое кресло.

Прайс покорно последовал приглашению и поднял на хозяйку дома пытливый взгляд серых глаз. Под этим пристальным взглядом молодого детектива Эдит слегка порозовела и голосом, в котором впервые прозвучала беспокойная нотка, спросила:

— Вы хотели видеть меня по какому-то важному и неотложному делу? Я к вашим услугам, господин Прайс.

— Благодарю вас, — почтительно ответил Прайс, продолжая не спускать своего пристального взгляда, хорошо понимая, что он смущает этим хозяйку дома. — У меня, действительно, очень важное и очень деликатное дело к вам, миссис Робинзон. И поэтому, я прежде всего хочу просить у вас разрешения быть откровенным, а также прошу вас со своей стороны быть откровенной со мной. Это во многом облегчит наш разговор, а вас... может быть, избавит от некоторых неприятностей.

Эдит удивленно и немного надменно подняла вверх свои тонкие брови.

— Во всяком случае, могу лишь заметить, что ваше дело ко мне имеет немного странное начало, — сухо заметила она.

— Может быть, — пожал плечами Прайс. — В дальнейшем вы увидите, что все мое дело носит странный... и неожиданный характер.

— Хорошо, — после краткой и в достаточной степени неловкой паузы заметила Эдит. — Нет смысла вести разговор, который не имеет в себе откровенности. Я не только разрешаю, но и прошу вас быть откровенным со мной.

Ее голубые глаза взглянули на детектива со странной смесью мольбы и страха.

— А вы? — тихо спросил Прайс. — Вы обещаете быть откровенной со мной?..

Эдит откинулась на спинку кресла, закусив губу, потом неожиданно рассмеялась не совсем естественным смехом.

— Я думаю, что — да, — смеясь, пообещала она, глядя несмеющимися глазами на Прайса. — Я буду откровенна с вами настолько, насколько вы будете откровенны со мной.

— Лжешь, — мысленно сказал сам себе Прайс. — Этим смехом ты уже начала лгать, не дождавшись даже первого моего вопроса. Во всяком случае, тонкая штучка. Хорошо. Посмотрим, как тебе удастся вывернуться.

— Итак, условие заключено, — вслух произнес он. — И я задам вам первый вопрос. Миссис Робинзон, зачем вы приходили к синьору Толедосу за четыре дня до его убийства?

Как ни старалась держать себя в руках Эдит, резкий вопрос, поставленный ей Прайсом, на секунду лишил ее самообладания.

Она, невольно, слабо вскрикнула и крепко сжала руки.

— Подождите, не отвечайте, — быстро продолжал Прайс. — Потому что вы станете сейчас лгать и говорить, что вы никогда в жизни не были у синьора Толедоса и вообще не знали о его существовании. Но, конечно, вам нет никакого смысла так наивно лгать, миссис Робинзон. Конечно, вы были у синьора Толедоса и бывали у него не раз. Я не знаю, по каким причинам вы находили нужным посещать синьора Толедоса, и вот это-то я и хотел просить вас объяснить мне, чтобы избежать невыгодных и даже, может быть, оскорбительных предположений.

— Вы с ума сошли, — медленно и с трудом начала Эдит, беспомощно облизывая сухие губы.

Прайс предостерегающе поднял правую руку.

— Не надо, миссис Робинзон, — с теплым чувством произнес он. — Не надо упорствовать. Неужели вы хотите, чтобы я устроил очную ставку вам с боем синьора Толедоса или с боем при театре «Пикадилли», которые, разумеется, сейчас же опознают вас? А если показания этих свидетелей вам будет недостаточно, то что вы скажете по поводу вашей записки, написанной синьору Толедосу, приглашающей его придти на пятичасовой чай в «Старый Карлтон», также за день до убийства? Ведь вы не можете отрицать, что эта роковая записка написана вашим почерком. Я специально для этого имею конверт вашего письма, когда я воочию

удостоверился, что одна и та же женщина писала этот конверт и приглашение синьору Толедосу. С первого момента нашего разговора я попросил вас об откровенности и вы дали свое согласие на это. Зачем же с первых шагов вы нарушаете данное обещание?

В гостиной наступило напряженное молчание. Эдит хотела что-то сказать, может быть, даже гневно вскочить на ноги, так как она шевельнулась и слегка приподнялась в кресле. Но в следующий момент она снова откинулась на спинку кресла и закрыла лицо руками.

Прайс терпеливо ждал, сочувственно поглядывая на изящную фигуру молодой женщины. Ни одной минуты он не думал, что эта златокудрая фея может быть участницей убийства испанца.

Но, тем не менее, каким-то таинственным способом она была связана с этим убийством и на его обязанности лежало узнать, в чем заключалась эта роковая связь.

Несмотря на мрачную трагичность происходящих событий, Прайс торжествовал со всем эгоизмом тридцатилетнего детектива, попавшего на верный след. Недаром прошла его утомительная работа по сбору справок о всех златокудых женщинах, дамах общества, проживавших в Шанхае. Таких в его списке нашлось пятнадцать дам и в течение недели ему пришлось кропотливо проверять по этому списку, сравнивать почерки, узнавать характеры, привычки и порядок жизни каждой из этих дам.

Златокудрая миссис Робинзон была в его списке девятой и здесь-то звериным чутьем охотничьей ищейки Прайс почувствовал, что он на верном пути.

Это была первая нить, которую ему удалось зацепить в деле убийства Толедоса. До этого вся его работа заканчивалась сплошными неудачами. Первый свидетель, бой Анфу, определенно и совершенно явно не желал говорить. На все вопросы Прайса китаец отвечал готовыми сентенциями, а когда рассерженный Прайс пригрозил арестовать его, как участника убийства Толедоса, китаец поднял глаза к небу, как бы призывая его в свидетели людской несправедливости, и после этого замолк совершенно. Больше в от-

местку хитрому китайцу, чем в интересах дела, Прайс добился временного ареста Ан-фу и заключения его в тюрьму впредь до дальнейших допросов.

После этого Прайс занялся поисками «золотой дамы» и вот теперь, как будто, его старания увенчались успехом. «Золотая дама» сидела перед ним, закрыв лицо руками, уничтоженная, растерянная, не знающая, что сказать в свою защиту.

Первый шаг к раскрытию тайны смерти синьора Толедоса был сделан.

Прошло несколько минут, насыщенных смятением и тревогой. Затем Эдит медленно отняла руки от лица и прямо взглянула в глаза Прайсу. В глазах ее теперь горел какой-то странный, вызывающий и в то же время тоскующий огонек.

— Вы требовали от меня откровенности, — тихим, надломленным голосом произнесла она. — Хорошо, я буду откровенна. Лгать нет смысла. Вы правы. Я и есть «золотая дама».

Как ни был готов к этому Прайс, он все же слегка вздрогнул от такого быстрого и откровенного ответа. Таинственный клубок начал распутываться в его руке.

— Я очень благодарен вам, миссис Робинзон, за такой откровенный и прямой ответ, — по-прежнему почтительно и осторожно заметил Прайс. — Теперь вы, может быть, так же откровенно и просто доверите мне, кем был для вас синьор Толедос и что связывало вас с ним?

— Он... я... — пробормотала Эдит и вдруг вскочила с места и бросилась в самый дальний угол комнаты. Там она в изнеможении прислонилась к камину и прошептала, но так, что вскочивший также со своего места Прайс все же услышал:

— Нет... я не могу... не могу...

Прайс медленными шагами подошел к молодой женщине, которая испуганными, широко раскрытыми глазами смотрела на него, как смотрит кролик на приближающегося удава.

— Миссис Робинзон, — снова осторожно произнес Прайс, вкладывая, насколько мог, чувство тепла и сочувствия в голосе. — Я прошу и умоляю вас посмотреть на меня, как на друга, а не как на врага.

Эдит опустила красивую золотую голову на руки и неожиданно тихо заплакала горькими, не облегчающими душу рыданиями.

Прайс молчал, давая возможность молодой женщине выплакаться.

Проплакав почти беззвучно несколько минут, Эдит овладела собой, вытерла глаза маленьким кружевным платком, а затем виновато взглянула на Прайса.

— Простите мои нервы, — прошептала она. — Но я не могу... Я верю, что вы мой друг и искренне хотите помочь мне. Но я не могу сегодня говорить. Дайте мне отдохнуть, собраться с силами и я клянусь, что расскажу вам все. Дайте мне отдохнуть за эту ночь, а завтра утром я сама позвоню вам по телефону и попрошу вас приехать.

Прайс не настаивал. Он видел, что молодая женщина действительно потрясена и находится на грани нервного припадка. Он так же почтительно склонился перед Эдит:

— Я верю вам и буду ждать завтра утром вашего звонка, — произнес он.

Уходя из комнаты, он еще раз оглянулся. Молодая женщина продолжала стоять у камина, рассеянно смотря вдаль и нервно сжимая в руке носовой платок.

Звонок, на другое утро, действительно раздался в квартире Прайса. Но говорила не Эдит. Говорил начальник полиции Международного Сеттльмента полковник Гойер.

— Прайс, — сухо произнес голос полковника в телефон. — Немедленно отправляйтесь на квартиру американского инженера Робинзона на Бабблинг Вэлл род. Он только что звонил мне и сообщил, что его жена была зверски задумана прошлой ночью в постели.

Глава V

ТАЙНА ШИФРА

Получив сухое, лаконичное сообщение от полковника Гойера, Прайс мгновенно оделся и на автомобиле помчался к уютной вилле на Бабблинг Вэлл род, где еще вчера он разговаривал с «золотой дамой» и оставил ее у камина задумчиво смотрящей вдаль и нервно сжимающей тонкий кружевной платок.

Пока автомобиль мчался по узким улицам Шанхая, ловко лавируя среди толпы рикш, тачек и велосипедистов, Прайс, забившись в уголок, усиленно обдумывал создавшееся положение.

В первую минуту сообщение полковника Гойера просто ошеломило его. Он понял инстинктивно лишь одно, что ему нужно как можно скорее прибыть к месту трагического происшествия. Нс сейчас, мало-помалу, его мозг, взбудораженный неожиданной новостью, начал сознавать всю трагичность и необычайность происшедшего.

— Миссис Робинзон убита... Задушена... Значит, тайна, окружавшая смерть синьора Толедоса, еще более сложна и запутана, чем казалось с первого взгляда. Впрочем, не будем строить теорий раньше, чем убедимся в имеющихся налицо фактах.

Придя к такому заключению, Прайс успокоился, взял себя в руки и только нетерпеливо изгладывал на часы, желая как можно скорее прибыть в дом Робинзонов.

Его желание скоро исполнилось и автомобиль остановился у широкого подъезда уютней виллы, которую занимали Робинзоны. Прайс быстро выскочил из автомобиля и легко взбежал вверх по ступеням, пройдя в вестибюль.

Там его уже ожидала большая компания. Высокий тонконогий Грог, старый знакомый судебный врач, бледный потухший Робинзон, секретарь американского консульства Балл и представитель секретариата муниципалитета Меж-

дународного Сеттльмента. Быстро окинув взглядом всю эту группу, Прайс наглядно убедился в сенсационности и серьезности происшедшего, которым заинтересовались и по поводу которого обеспокоились такие высокие чины консульства и муниципалитета.

Почти одновременно с Прайсом к дому подъехал огромный синий «бюик» полковника Гойера и он сам вошел в вестибюль.

Произошел молчаливый обмен рукопожатиями. Все невольно говорили вполголоса и бросали сочувственные взгляды в сторону Робинзона, который, казалось, не видел ничего из происходящего вокруг и бессмысленными глазами смотрел в какую-то одному ему понятную точку в пространстве.

— Я думаю, что теперь мы можем приступить к осмотру комнаты, — вполголоса произнес полковник Гойер, обращаясь к Прайсу.

Прайс кивнул головой.

Группа мужчин направилась вверх по широкой лестнице во второй этаж, где была расположена спальня супругов. У дверей спальни шедший позади всех Робинзон вдруг попятился и чуть было не упал, если бы Грог вовремя не подхватил его за талию.

— Нет, не могу, — глухо произнес Робинзон, стискивая зубы. — Я не могу видеть ее... мертвой, без движения... Такую молодую и жизнерадостную...

Он побледнел еще больше и в изнеможении прислонился к стене.

— Проведите инженера Робинзона вниз, Грог, — коротко приказал толковник Гойер. — Разумеется, слишком жестоко заставлять его присутствовать при этой мрачной картине. Мы справимся одни.

Вслед за этим Гойер, Прайс, врач и представители консульских и муниципальных властей прошли в большую, светлую спальню, залитую веселым солнечным светом, падающим сквозь широкие стеклянные двери, выходящие на веранду. Спальня носила уже полужилой характер, так как именно сегодня чета Робинзонов собиралась отплыть об-

ратно в Соединенные Штаты, пробыв в Шанхае около двух лет. Кругом стояли чемоданы и сундуки. Картины со стен и безделушки с этажерок и туалетного столика уже были убраны в чемоданы.

На широкой двуспальной кровати, стоявшей прямо посреди комнаты, среди вороха белоснежных, смятых простынь, лежал полуобнаженный труп той веселой, жизнерадостной женщины, которую еще вчера звали миссис Робинзон. Золотые, волнистые волосы были спутаны и в беспорядке рассыпались по подушке. Хорошенькое, точеное личико было искажено мукой и смертельным испугом. На изящной тонкой шее темнели синие подтеки. Прелестные перламутровые зубы с силой прикусили кончик языка.

Вошедшие в комнату мрачно сгруппировались у порога, боясь громким словом или резким движением нарушить суровую торжественность царства смерти. Только врач, с профессиональной бессердечностью, сразу подошел к постели и тщательно принялся за осмотр трупа. Прайс так же хладнокровно и деловито принялся за исследование постели, ковра, затем столика у постели и всей обстановки.

Через пять минут врач сухо заявил, что миссис Робинзон погибла, будучи задушенной, очевидно, мужчиной, так как никакие женские руки не смогли бы причинить таких ужасных синих подтеков.

Группа мужчин у порога взволнованно заговорила вполголоса.

Затем, по предложению полковника Гойера, все спустились обратно вниз, в гостиную, оставив в спальне Прайса с Грогом.

— Это вот лучше, — облегченно произнес Прайс, когда дверь закрылась за ушедшими. — Спасибо полковнику. Как бы я смог работать здесь в присутствии такого огромного количества высокопоставленных лиц! Ну их к Богу!..

Вместе с Грогом он принялся за дальнейший осмотр комнаты. После получасовой утомительной и кропотливой работы, Прайс нашел две или три мелких улики, которые были им осторожно спрятаны в бумажник.

Прежде всего, на ковре, у постели, Прайс нашел тонкий дамский платок, с тонкой вышивкой монограммой «К. С.». От платка шел одуряющий аромат духов «Черный нарцисс».

Затем Грог нашел под кроватью смятый и порванный конверт, на котором небрежным мужским почерком был написал адрес госпожи Робинзон.

Но самое главное открытие было сделано Прайсом немного позднее. Закончив осмотр комнаты, Прайс перешел на осмотр трупа. Он долго всматривался в искаженное от ужаса мертвое лицо «золотой дамы», мысленно ломая себе голову над тем, что могла увидеть перед смертью Эдит Робинзон. Что заставило ее так ужасно исказиться от предчувствия неминуемой смерти? Затем его взгляд перешел на руки задушенной и в ту же минуту он заметил, что правая рука «золотой дамы» была конвульсивно сжата в кулак и даже спрятана под подушку. По внешним признакам, умершая, в минуту смерти, пыталась как можно дальше засунуть руку под подушку вместо того, чтобы обороняться от врага.

— Похоже на то, что она пыталась что-то спрятать от убийцы, — мелькнула догадка в уме Прайса и он приподнял подушку, освободив правую руку Эдит. В тот же момент он торжествующе присвистнул. Из судорожно сжатого кулака Эдит виднелся беленький кусочек бумаги.

— Ключ к тайне, — молниеносно подумал Прайс, усердно пытаясь разжать похолодевшую руку.

Это было нелегким делом. Кулак уже успел закоченеть и только после двух-трех минут Прайсу удалось разжать руку Эдит и вынуть смятый клочок бумаги. Торопливо развернув его, он гневно закусил губу. На листке бумаги было начертано:

25.	737.	21.	44.
55.	765.	45.	33.
71.	24.	55.	16.

— Шифр, — громко произнес он, показывая листок бумаги наклонившемуся с любопытством к нему Грогу. — Ничего, попробуем на досуге разобраться, в чем здесь дело. А пока здесь делать больше нечего. Перейдем вниз для первого допроса.

Они спустились вниз в гостиную, где их терпеливо ожидали все прибывшие равнее лица.

— Ну-с, Прайс, — встретил вопросом детектива начальник полиции. — Что нового? Что вам удалось найти?

— Очень немного, господин полковник, — почтительно ответил молодой детектив. — Но в то же самое время, может быть, найденное мною может оказаться ключом ко всей тайне. Во всяком случае, считаю необходимым донести вам, что часть улик мною обнаружена и я не сомневаюсь, что при энергичной работе нам удастся раскрыть эту ужасную тайну.

— Вы слышали, господа? — довольно обратился полковник Гойер ко всем присутствующим. — Человек, поставленный мною во главе расследования этого дела, обещает нам дать в недалеком будущем благоприятные результаты.

— И на этом я считаю, что дальнейшая информация пока не последует, — с вежливой улыбкой добавил Прайс, — так как разглашение добытых мною улик может затруднить следствие и поиски убийцы.

Представители консульских и муниципальных властей поняли тонкий намек представителей полиции и с кислыми минами, пожав на прощанье руки Гойеру и Прайсу, удалились.

Когда в гостиной остались только Гойер, Грог и Прайс, первый откинулся в кресле, закурил трубку и добродушно обратился к Прайсу:

— Ну, я надеюсь, что мне-то вы можете сообщить детали ваших улик. Не скрою, что все это дело меня интересует самым живейшим образом. Кроме того, на карту поставлена не только ваша, но и моя карьера, Прайс. Никогда еще, за всю историю Шанхая, не происходило два таких сенсационнейших убийства в непосредственной близости одно от другого. Общественное мнение будет возбуждено до пре-

делов. Если мы споткнемся на этом деле, то нам не миновать самой жестокой критики как со стороны налогоплательщиков, так и со стороны членов муниципалитета. Мне, может быть, придется подать в отставку. А для вас — будет закрыта дорога к быстрой карьере, по крайней мере, на долгие годы. Вы понимаете это, Прайс?

— Я все прекрасно понимаю, полковник, — немного нетерпеливо произнес Прайс. — Но сейчас я не собираюсь забивать себе голову тем, что будет, если мы не разрешим этого дела. Я считаю, что я должен разрешить тайну этой виллы на Бабблинг Вэлл, а также тайну кинематографа «Пикадилли». Прежде всего, для меня нет никакого сомнения, что между этими двумя убийствами существует какая-то определенная связь.

— Вы думаете, что «золотая дама»...

— «Золотая дама» была госпожа Робинзон, — твердо ответил Прайс.

— Но если даже это и так, то ваше открытие не только не упрощает, но еще более усложняет дело, — после долгого раздумья заметил полковник. — Раньше мы могли думать, что синьор Толедос был убит женщиной, этой пресловутой «золотой дамой», по мотивам ревности и страсти. Но теперь... Что прикажете думать теперь...

— Поживем — увидим, полковник, — самоуверенно произнес Прайс, не чувствуя, впрочем, на душе никакой уверенности и веселья. — А сейчас я хотел бы поговорить с инженером Робинзоном.

— Это можно устроить, — мотнул головой Грог. — Я оставил его на террасе, в лонгшезе. Я сейчас приведу его.

Он скрылся за стеклянной дверью и через минуту вернулся, ведя под руку бледного, с покрасневшими глазами и пересохшими губами, инженера Робинзона.

— Садитесь, Робинзон, — дружески сочувственно произнес полковник Гойер, усаживая несчастного вдовца в кресло. — Мой молодой помощник Прайс желал бы задать вам несколько вопросов. Помните, что от его усилий зависит сейчас найти неведомого убийцу, погубившего вашу прекрасную супругу. Я думаю, что вы окажете нам всяческое со-

действие в том, чтобы заставить этого негодяя предстать перед правосудием.

Потускневшие глаза Робинзона вспыхнули мрачным огнем. Он грозно сжал кулаки.

— Я сам убью его, — хрипло произнес он.

Потом он слегка опомнился, вынул платок, утер пот, струившийся по его бледному лицу, и улыбнулся кривой и жалкой улыбкой.

— Я к вашим услугам, господа, — тихо произнес он. — Спрашивайте, что вы хотите.

— Я начну с неожиданного для вас вопроса, господин Робинзон, — начал Прайс. — Какими духами предпочитала душиться ваша супруга? «Черным нарциссом»?

Робинзон недоуменно поднял голос и посмотрел на Прайса.

— Нет, — после некоторого раздумья ответил он. — Она всегда душилась старыми духами «Кэр де Жанет»¹, которые теперь уже вышли из моды. Она не любила модных, терпких и дурманящих духов, считая их вульгарными...

— Вы уверены, что у нее не могло быть духов «Черный нарцисс»?

— Абсолютно уверен.

— Благодарю вас. Вы дали мне первое ценное указание, — произнес Прайс с чувством глубокого удовлетворения.

Робинзон потухшим взором смотрел на детектива и, казалось, даже не слышал, что говорил тот.

— Скажите, господин Робинзон, — вежливо продолжал далее Прайс. — Вы, конечно, имели здесь в Шанхае множество друзей. Скажите, были ли особенно близкие друзья у вашей супруги?

— У нас были одни и те же друзья. Мои сослуживцы с их женами и другие знакомые, — тихо ответил Робинзон.

¹ «Coeur de Jeanette», известнейшая марка духов фирмы «Убиган», созданная П. Парке в 1899 г. Здесь контрастирует с тяжелым, томным и «гипнотическим» ароматом духов «Narcisse noir», созданных в 1911 г. Э. Далтрофом для парфюмерного дома «Карон».

— Я говорю об особенно близких друзьях, — подчеркнул Прайс. — О друзьях, которые особенно часто бывали в вашем доме.

Робинзон думал, приложив руку к виску, как будто это раздумье причиняло ему большое страдание.

— Не знаю, — наконец произнес он. — У нас так много знакомых и почти всех мы встречали часто на различного рода «парти». В доме у нас также редко обходилось без гостей. Эдит любила окружать себя толпой. Она была так молода и ей еще хотелось веселиться...

Он нервно сжал руки и голос его слегка дрогнул.

— Впрочем, в последнее время она стала заметно меньше выезжать и бывать в обществе.

— Не показалось ли вам, что она чем-то озабочена? Что ее гнетет какое-то скрытое несчастье? — продолжал допытываться Прайс.

— Не знаю... Не заметил, — с трудом ответил Робинзон. — Пожалуй, она стала более задумчивой в последнее время. Это все, что я могу сказать. И... и, простите меня, я не могу сегодня больше говорить. Не отложите ли вы ваш доклад хотя бы на завтра...

— Конечно, господин Робинзон, — охотно согласился Прайс, немедленно вставая на ноги. — С вашего разрешения, я пройду сейчас наверх, в вашу спальню, и осмотрю багаж госпожи Робинзон. Возможно, что я найду там кое-какие нужные мне указания.

— Делайте, как хотите, — устало произнес Робинзон, откидываясь на спинку кресла. — Наша ама покажет вам вещи, принадлежащие моей несчастной жене.

Крепко пожав на прощанье руку убитому горем инженеру, Прайс вместе с полковником Гойером и Грогом вышел из гостиной. В вестибюле полковник Гойер остановился.

— Я уеду, — заявил он, — оставив вас работать над этим делом. Помните, Прайс, что очень многое зависит от успеха вашей работы. Прощайте.

В сопровождении Грога Прайс снова поднялся в роковую спальню, у дверей которой дежурил китаец-полисмен.

В комнате было светло от ярких лучей солнца, вливающих в открытое окно. День был так хорош и светел, что не верилось в существование горя и печали на земле. Но здесь же, в этой комнате, на широкой постели, под белоснежным покрывалом, лежал похолодевший труп молодой женщины, погибшей от руки таинственного и мрачного убийцы.

Впрочем, в данный момент Прайс не стал забивать себе головы какими-либо философскими мыслями. Он должен был действовать.

После того, как боязливо вошедшая в спальню ама указала на сундуки, принадлежавшие лично миссис Робинзон, Прайс, с помощью Грога, принялся усердно знакомиться с содержанием этих сундуков. Они работали больше часа, методично проверяя содержимое багажа и не находя в нем ничего интересного, так как там лежало белье, платья и сотни безделушек и сувениров. Но, роясь в большом чемодане, Прайс наткнулся на старинную китайскую шкатулку, запертую на ключ.

Глаза Прайса радостно засверкали.

— Вот то, что мне нужно. Несомненно, здесь хранятся письма и различные интимные документы, — произнес он, показывая шкатулку Грогу. — Теперь только найти ключ к этой шкатулке.

Но, несмотря на самые усердные попки, ключа не оказалось. Вызванная еще раз ама подтвердила, что миссис хранила в этой шкатулке разные бумаги. Но ключ от шкатулки или утерян, или спрятан госпожой Робинзон так тщательно, что найти его теперь не представлялось возможным.

— Наплевать, — решил в конце концов Прайс. — Я уезду шкатулку домой и там открою ее при помощи отмычки.

Он спустился вниз и передал свою просьбу Робинзону. Тот продолжал сидеть в кресле, далекий, занятый своими печальными мыслями, и на слова Прайса только мотнул головой, выражая согласие на увоз шкатулки.

На подъезде, держа шкатулку под мышкой, Прайс простился с Грогом.

— Я поеду сейчас домой и там ознакомлюсь с содержимым шкатулки, — пояснил Прайс. — Если я найду там что-либо заслуживающее внимание, то я позвоню вам. Если же там не найдется ничего замечательного, то я увижусь с вами завтра, чтобы выработать дальнейший план работы.

— Хорошо, — флегматично отозвался Грог, не выказывая никакого интереса к возможности каких-либо сенсационных открытий. Грог никогда ничем не интересовался и его нельзя было назвать любопытным. Больше всего на свете он любил свою трубку и мирное сиденье у горящего камина.

Всю дорогу до дома, сидя в машине, Прайс с любопытством рассматривал шкатулку. Это была большая черная шкатулка с резными украшениями, изображающими сценки из китайской жизни. Вся шкатулка была обита медью, увеличивающей тяжесть шкатулки.

— Интересно, какие секреты могут храниться в шкатулке «золотой дамы», — вслух произнес Прайс. — Я уверен, что найду там что-то интересное... Алло, что там случилось...

Послышался резкий треск, похожий на звук револьверного выстрела, и быстро мчавшийся автомобиль, дернувшись, остановился, скрипя тормозами.

Прайс инстинктивным движением прижал шкатулку ближе к себе и взглянул на шофера. Тот, остановив машину, медленно вылезал на дорогу.

— В чем дело? — резко спросил его по-китайски Прайс.

— Лопнула шина, мастер, — равнодушно ответил шофер.

Прайс смачно выругался. Смена шины должна была занять не менее десяти минут. А он дорожил каждой минутой, стремясь скорее ознакомиться с содержанием шкатулки.

— Меняй скорее, — приказал он шоферу, оглядываясь по сторонам.

Автомобиль остановился на узкой китайской улице Международного Сеттльмента, позади Хонан род, где шофер ехал, чтобы сократить путь на Скотт род, к дому Прайса. Было около двенадцати дня и узкая улочка кишела китай-

ской толпой, велосипедистами, рикшами и тачками с тяжелым грузом. Редкие автомобили с трудом пробирались в этом человеческой водовороте, не переставая реветь sireнами.

Желая облегчить шоферу работу по смене шины, Прайс вылез из машины, продолжая держать шкатулку под мышкой. Вокруг остановившегося автомобиля начала собираться густая толпа зрителей-китайцев, падких до всяческих уличных происшествий. Прайс взглянул на ближайший угол, надеясь найти там постового полисмена, которого он мог бы позвать и, показав свой значок, приказать рассеять толпу. Но постового полисмена вблизи не оказалось.

Чертыхаясь, Прайс оттолкнул несколько зевак, подступивших уже вплотную и мешавших шоферу сменить шину. Но толпа продолжала накапливаться все больше и больше.

— Черт бы их побрал с их восточным любопытством, — раздраженно подумал Прайс. — Скорее, шофер.

— Одну минуту, мастер, — отозвался, пыхтя, шофер, надевая новую шину на колесо.

Прайс повернулся и направился обратно к дверце автомобиля, намереваясь сесть на свое место, чтобы отправиться в дальнейший путь.

Но следующий момент принес за собой неожиданное происшествие.

Прайс только что поставил ногу на подножку машины, как кто-то с силой дернул его за другую ногу, стоявшую на панели.

Не ожидавший ничего подобного, Прайс «клюнул» носом прямо в машину. В тот же момент чьи-то ловкие и сильные руки рванули к себе шкатулку, находившуюся у него под мышкой. Шкатулка с грохотом полетела на панель.

Побледневший от неожиданности и злости Прайс быстро вскочил на ноги и автоматически выхватил револьвер. Струдившаяся вокруг него толпа китайских зевак бросилась врассыпную при виде черной стали револьвера.

Прайс торопливо бросил взгляд на мостовую.

Шкатулки уже не было.

Чьи-то невидимые руки успели подхватить ее с мостовой.

Взбешенный Прайс выхватил свисток и резкий полицейский свист прорезал уличный гвалт и шум. Толпа китайцев бросилась теперь наутек, скрываясь в магазинах, лавочках и узких переулках. Прайс бегал кругом машины, вдоль улицы, стараясь разглядеть шкатулку в руках убегающих китайцев. Но шкатулка исчезла, как будто растаяла в воздухе или провалилась сквозь мостовую.

Где-то вблизи послышались ответные полицейские свистки.

Из-за угла выбежал полицейский-индус с револьвером в руках. Еще через минуту прибежали два китайских полисмена и один европеец, также с револьверами.

— Что случилось? — торопливо спросил европейский сержант, обращаясь к Прайсу.

Тот только закусил губы. Слишком поздно пришла ему в голову мысль, что он свалил дурака. Как он не сообразил раньше, что эта шкатулка была ценной и необходимой для убийцы Эдит Робинзон? Как он не мог сообразить раньше, что темные силы, задушившие прекрасную «золотую даму», примут все усилия, чтобы вырвать у него из рук это хранилище секретов?

А он, как дурак, ехал один с таким ценным предметом, не взяв с собой даже Грога и не позаботившись охранять драгоценную шкатулку. Теперь он должен был расплачиваться за собственное легкомыслие. Бессмысленно было пытаться найти шкатулку среди сотен китайцев, наводнявших улицу, а теперь боязливо рассеивавшихся в разные стороны. Похититель шкатулки был, во-первых, очевидно, не один. И теперь эти похитители уже находятся вне опасности, унося с собой шкатулку.

— Все, что нам остается делать, это составить протокол о нападении на вас. Мы не можем окружить все окрестные улицы и произвести поголовный обыск всех прохожих, — заметил полисмен-европеец, вынимая из кармана записную книжку.

Прайс мрачно кивнул головой, сознавая справедливость слов полисмена. Потом новая мысль пришла ему в голову и он направился к снятой шине, у которой сидел на корточках перепуганный всем произошедшим шофер.

— Покажи мне, в чем дело здесь с шиной, — приказал Прайс.

Шофер молча указал на снятую шину. Одного быстрого взгляда было достаточно, чтобы убедиться, что шина была проколота каким-то острым оружием вроде кинжала или шила.

— Шина была совершенно новой, мастер, — пролепетал шофер.

Составив протокол, европейский сержант удалился со своими постовыми индусами и китайцами. Шофер переменял шину и Прайс, чернее тучи, сел обратно в машину. Через минуту автомобиль мчался дальше на Скотт род.

Глава VI

НОВЫЕ ДАННЫЕ

Прайс приехал домой в состоянии, близком к полному кипению. Он сердито открыл дверь, гневно бросил шляпу своему верному бою Ли Фу, сердито прошел в уютную гостиную и злобно повалился в кресло.

— Провели... Провели, как мальчишку, как щенка.

И самое ужасное, что он действительно вел себя, как мальчишка, а не как ловкий детектив, которому поручено одно из самых трудных и сенсационных дел, когда-либо происходивших в Шанхае. Но теперь уже совершенно ясно, что убийство синьора Толедоса и убийство «золотой дамы» являются звеньями какой-то одной таинственной цепи. Как в том, так и в другом случае налицо не было никакого грабежа, никакого намерения поживиться деньгами или ценными вещами. Нет, убийства происходили по каким-то другим, более тонким мотивам.

Что же это за мотивы? Только одно объяснение можно было дать этим мотивам.

Мечь...

Да, мечь... Мстили синьору Толедосу за что-то. И убрали с дороги Эдит Робинзон, потому что она оказалась слабым звеном в этом мрачном деле. Похищенная у Прайса шкатулка «золотой дамы» как нельзя ясно указывала, что Эдит была владелицей каких-то секретов неизвестной темной силы, которая мигом приложила ловкие усилия, чтобы вырвать эти секреты из рук детектива.

Детектив сидел долго в своем кресле, окружая себя облаками густого сигаретного дыма, обдумывая каждую мелочь последних дней и пытаясь наметить себе свой план дальнейших работ.

В комнату заглянул Ли Фу и вежливо предложил пообедать, но Прайс только нетерпеливо отмахнулся от него рукой.

— Потом... Потом...

Было уже около пяти часов вечера и краски солнечного дня стали постепенно блекнуть, переходя в синий прозрачный вечер, когда Ли Фу снова появился в комнате, неслышно ступая ногами, обутыми в мягкие китайские туфли. Он протянул своему господину большой белый конверт.

— Письмо, — лаконично произнес он.

Прайс лениво принял письмо и равнодушно вскрыл конверт. Но первые же строчки письма заставили его вздрогнуть и с головой уйти в содержание послания, гласившего, впрочем, очень кратко и ясно:

— Господин детектив,

Для вашего беспокойства и даже безопасности будет лучше, если вы позабудете о случае со шкатулкой, не донося об этом инциденте вашим властям, чем сможете придать всему этому делу самое скорое завершение.

Ваш друг.

Вот и все. Письмо было отпечатано на пишущей машинке, включая подпись.

— Черт побери, — громко произнес Прайс. — Вот это номер.

В волнении он вскочил на ноги и крикнул боя. Ли Фу немедленно появился на зов и почтительно остановился у порога.

— Кто принес это письмо? — спокойно спросил Прайс.

— Китаец, — лаконически ответил Ли Фу.

— Молодой или старый?

— Молодой, мастер.

— Он ничего не говорил?

— Он сказал только: «Передай это письмо твоему господину».

— А потом?

— А потом он повернулся и ушел.

Прайс хотел было задать еще какой-то вопрос, но сейчас же пожал плечами и кивком головы приказал бою удалиться.

Что за польза была справляться и даже искать этого посыльного, который, конечно, был нанят за двадцать центов передать письмо по назначению, и ничего не знающего об авторах письма? Нет, дальнейшие поиски нужно было вести по какому-то иному пути. Но по какому?

Прайс опять повалился в кресло. Мозг его лихорадочно работал. И чем дольше думал он, тем спокойнее становился его взгляд, а губы складывались в ироническую усмешку.

Как это ни странно, но положение складывалось в более благоприятную сторону.

Неизвестные враги почему-то нервничали. У них не хватало выдержки. Они стремились запугать Прайса, желая отбить у него стремление вести расследование.

В этом было их слабое место.

Если бы они оставались в тени, не посылали своего письма и равнодушно предоставили Прайсу вести свои поиски, то ему скоро пришлось бы отказаться от своих трудов, так как они, конечно, не дали бы никаких результатов. Полное отсутствие улик, прочная тайна, окружавшая убийство синьора Толедоса и Эдит Робинзон, невозможность проникнуть в мотивы — все это лишало Прайса какого-либо от правного пункта в его работе. Он не знал, где неприятель, кто этот неприятель и как вести с ним борьбу.

Но присланное письмо облегчило положение. Враги следили за ним, боялись его и, конечно, в будущем решили не упускать его из виду. Так, невольно для него самого, между Прайсом и неизвестными врагами были установлены отношения слежки и борьбы. В этой борьбе Прайс из положения нападающего превратился сам в преследуемого. Но это было не важно. Если он не мог и не знал, кого преследовать, то пусть они преследуют его самого. А нащупав силуэты преследователей, он, Прайс, найдет удобный момент, чтобы самому перейти в нападение.

План был ясен для него. Он должен стать дичью. Должен стать желаемой дичью для врагов. Он должен играть на их нервах, морально подавить их, запугать близкими возможностями каких-то разоблачений. А когда они потеряют головы и попытаются нанести удар ему, Прайсу, чтобы убрать его с дороги по примеру синьора Толедоса и «золотой дамы», тогда он должен будет во время отпарировать этот удар и сам перейти в наступление.

Тяжелая и опасная роль. Но иного выхода не было.

Прайс встал с кресла. План работы начертан. Оставалось лишь действовать.

Он приказал вызвать такси и поехал к полковнику Гойеру. Они совещались в кабинете последнего три четверти часа, после чего Гойер крепко пожал руку молодому детективу и сказал:

— Я согласен. Дело необходимо довести до конца. Со своей стороны я сделаю все, что в моих силах, чтобы облегчить ваш трудный и опасный опыт.

Остаток дня Прайс провел в поездках по редакциям иностранных и китайских газет, где имел продолжительные разговоры с заведующими городскими отделами. В результате на следующий день во всех газетах появились следующие сенсационные сообщения:

Тайна черного портфеля

Приводя детали убийства госпожи Робинзон, а также действий муниципальных властей, газеты заключали свои статьи сенсационным сообщением о том, как у молодого, но опытного детектива Прайса была похищена шкатулка с письмами покойной Эдит.

Невероятная ловкость неизвестных похитителей дает основание думать, что в этом деле работает какая-то крепко организованная преступная шайка, направляемая иностранными руководителями, — говорили газеты. — Но, похитив шкатулку, таинственные гангстеры не довели до конца свое-

го дерзкого начинания, так как в руках г. Прайса остался еще черный портфель безвременно скончавшейся г-жи Эдит Робинзон, с ее личными бумагами и документами. Портфель остался целым, так как г. Прайс, выходя из дома г. Робинзона, засунул этот портфель, сложив его вдвое, себе под пиджак и, таким образом, он остался незамеченным для преступников, несомненно, наблюдавших за действиями г. Прайса. По собранным нами сведениям, г. Прайс в настоящее время занят разборкой документов и бумаг, хранящихся в этом портфеле, и пройдет еще несколько дней, прежде чем он сможет дать отчет о своей работе. Тем не менее, отвечая на вопрос нашего репортера, г. Прайс заявил, что он уверен в сенсационности своих скорых разоблачений, а также в полном раскрытии тайн убийства двух видных резидентов нашего города.

Прайс прочитал эти газетные заметки на другое утро, сидя в ванне, и довольно усмехнулся.

Если он имеет хоть самое слабое представление о психологии, то таинственные враги не могут равнодушно пройти мимо расставленной для них ловушки. Они должны будут выступить и действовать.

Но как они будут действовать, где и когда? Вот в чем вопрос.

Прайс перешел в кабинет, открыл ящик письменного стола и задумчиво посмотрел на дамский портфель изящной формы, черного цвета, с золотыми монограммами «Э. Р.» в правом углу. Портфель был набит бумагами и старыми конвертами. Это была та приманка, на которую должна была клонуть загадочная рыбка.

Прайс оделся, проверяя свой браунинг, сунул его в задний карман брюк и спустился вниз, в столовую. Ли Фу уже накрыл стол для завтрака.

— Ли Фу, — позвал Прайс, принимаясь за яичницу.

Верный китаец появился в комнате.

— Ли Фу, — спокойно продолжал Прайс. — Сегодня, завтра или послезавтра на наш дом будет совершено нападе-

ние. Кто-то пожелает убить твоего господина, а за компанию, может быть, и тебя. Понимаешь?

Ли Фу спокойно кивнул головой.

— Будь осторожен. Не впускай никого на кухню, даже продавцов. Держи все двери закрытыми. Через каждый час проверяй комнаты. Кстати, ты умеешь стрелять?

— Нет, мастер.

— Чем же ты будешь защищаться, если на тебя нападут,

Ли Фу?

Китаец слегка усмехнулся, и в его руках неожиданно блеснул короткий нож.

— Я всегда ношу с собой вот это, — спокойно пояснил он.

Прайс улыбнулся, покачивая головой.

— Хорошо. Теперь можешь идти.

Ли Фу неслышно скрылся за дверью. Прайс спокойно закончил завтрак и, взяв шляпу, вышел на улицу.

Тихая Скотт род была почти пустынна, если не считать двух рикш, прикорнувших на углу, и старого продавца арбузов, шедшего медленно по другой стороне улицы и заглядывавшего во все окна, пытаясь найти покупателя на свой товар.

Прайс недлинной фланирующей походкой направился к трамвайной остановке на Норт Сечуен род. Пройдя квартал, он незаметно оглянулся. Рикши стояли на том же самом месте. Старый торговец плелся по другой стороне, направляясь также к Норт Сечуен род.

— Хорошо. Посмотрим, что будет дальше, — подумал Прайс.

Глава VII

ПЕРВЫЙ УДАР

Вопреки нервному ожиданию Прайса, ничего не случилось. Он спокойно дошел до остановки трамвая и сел в подошедший, неумолчно звенящий вагон.

Так же спокойно и без каких-либо неожиданностей Прайс доехал до знаменитой виллы инженера Робинзона на Бабблинг Вэлл род и, предъявив свою карточку дежурному полисмену, проник в дом, а затем поднялся в бывшую спальню четы Робинзон.

Ему хотелось на досуге, без присутствия посторонних, основательно покопаться в комнате в чаянии находки еще каких-либо ценных улик.

Все оставалось на прежнем месте, за исключением чемоданов самого Робинзона, которые были снесены вниз и опять распакованы, так как инженер отложил свою поездку на месяц, чтобы похоронить свою златокудрую жену на красивом кладбище Бабблинг Вэлл, выждать результатов следствия, а затем, за морем, в новой стране — попытаться найти если не новое счастье, то хотя бы забвение.

С помощью отмычки Прайс вскрыл чемоданы г-жи Робинзон и снова углубился в пересмотр всех вещей. Он рылся в изящном шелковом дамском белье, просматривал книги и различные безделушки, упакованные Эдит. Опытный взгляд детектива установил, что укладка вещей производилась молодой женщиной как бы наспех, неохотно и нетерпеливо. Вещи бросались в чемоданы, как попало. Но ведь для Эдит Робинзон не было причин торопиться с укладкой вещей. О своей предстоящей поездке она знала за месяц до отъезда. Таким образом, у нее было достаточно времени, чтобы не торопясь уложиться и запаковать свои чемоданы. Но почему-то она этого не сделала.

Почему?

На это могло быть только два ответа: или Эдит была вообще неряшливой натурой, принимающейся обычно за укладку вещей, что называется, за полчаса до отхода поезда, или же весь этот процесс укладки был ненавистен ей, не желающей отъезда и, поэтому, она укладывалась с ненавистью, не желая этого. Поскольку Прайс успел собрать сведения о характере Эдит от ее домашних и знакомых, первое предположение не выдерживало никакой критики. Никто и никогда не мог упрекнуть Эдит в неряшестве. Она была до некоторой степени легкомысленна, это правда, но хозяйственна, рассудительна и опрятна. Состояние вещей в чемодане прямо противоречило ее характеру.

Продолжая разбираться в вещах и размышляя о причинах, заставивших Эдит так небрежно от нестись к укладке своих вещей, Прайс наткнулся на изящную папку, в которой, тщательно перевязанная широкой шелковой лентой, лежала... самая обыкновенная книга в донельзя потертом переплете.

— Что за книга, пользующаяся такой тщательной заботой и вниманием со стороны хозяйки? — подумал Прайс, открывая титульный лист.

Книга оказалась бессмертным произведением Дефо: «Приключения Робинзона Крузо».

Озадаченный Прайс вытаращил глаза.

— В этом проклятом деле одна неожиданность сменяет собой другую, — невольно вслух произнес он.

Он бегло перелистал книгу и нашел какие-то пометки на некоторых страницах, сделанные карандашом. Прайс немедленно уложил книгу обратно в папку и отложил ее в сторону, намереваясь захватить ее с собой.

После часового длительного и утомительного обыска чемоданов Прайс не нашел больше ничего, заслуживающего внимания, и реши ехать домой, так как время подходило к завтраку.

Как и утром, его путешествие на трамвае прошло без всяких приключений. Наученный горьким опытом, Прайс, перед выходом из виллы Робинзонов, завернул найденную папку в газетную бумагу и все время путешествия крепко

держал и прижимал ее к себе, подозрительно оглядывая каждого нового пассажира, входящего в трамвай.

Благополучно прибыв на Скотт род, Прайс убедился, что на его тихой улочке все так же, без каких-либо перемен, включая даже старого торговца арбузами, который сидел теперь у переносной кухни и с жадностью уплетал чашку горячей лапши, оставив в сторону свои корзины с арбузами.

— Кажется, этот торговец не особенно охотится за заработком и предпочитает проводить полдня на нашей улочке, — мельком подумал Прайс.

— Если только его заработок не касается каких-либо иных заданий, кроме продажи арбузов, — сейчас же появилась в его уме новая мысль.

Прайс пожал плечами, усмехнулся и, поднявшись по ступеням своего маленького уютного домика, нажал кнопку звонка.

Дверь открылась с лязганьем цепи, на которую, кроме замка, была заперта дверь. В образовавшийся узкий проход появилось хмурое лицо Ли Фу, который, узнав хозяина, поспешил сиять цепь и широко открыть дверь.

— Завтрак готов, мастер, — почтительно сообщил он.

— Хорошо. Давай. Никто не приходил и не звонил мне за время моего отсутствия? — справился Прайс, проходя в столовую.

— Нет, мастер.

После сытного завтрака Прайс перешел в свой кабинет, расположенный во втором этаже, рядом с его спальней и, развернув принесенный с собой сверток, снова внимательно начал рассматривать «Приключения Робинзона Крузо».

Почему эта книга так ценилась покойной «золотой дамой»?

Почему она держала ее отдельно в папке, как какую-то ценную вещь?

Целый час сидел Прайс над книгой, рассматривая картинки в книге, отмечая некоторые слова, подчеркнутые карандашом, пока, наконец, блестящая догадка не промелькнула у него в голове.

— Справочник.. Книга была нужна для каких-то постоянных справок... Она служила для какой-то определенной цели... Для какой...

«Приключения Робинзона»... Но фамилия Эдит была также Робинзон. Нет ли здесь какой-то связи...

И новая блестящая мысль молнией прорезала мозг Прайса.

Шифр...

Книга «Приключения Робинзона Крузо» была не чем иным, как разгадкой шифра, который он нашел в зажатом кулаке задушенной молодой женщины.

Шифр по книге является самым распространенным, самым удобным и в то же время невозможным для разгадки посторонним лицом, не знающим, какая именно книга является ключом к шифру. В данном случае, в переписке с Эдит, таинственные корреспонденты взяли ключом шифра книгу Дефо, благодаря тому, что герой книги носил одинаковое имя с Эдит, облегчая этим переписку.

Взволнованный Прайс порылся в своей записной книге и вытащил на свет Божий измятый, но тщательно разглаженный им листок бумаги, найденный им в руке умершей Эдит.

Снова, уже с другим, более осмысленным интересом, он взглянул на ряд цифр, расположенных на этой бумаге.

Что могли означать эти цифры? Номер страницы.. число слов... букв...

Взгляд детектива остановился на цифре «55», повторяющейся в записке два раза.

Одно и то же слово. Начнем поиски с этой цифры.

Прайс взял карандаш и принялся комбинировать.

Открыв прежде всего 55-ую страницу книги, Прайс сейчас же убедился, что это неверный ход. Что могло дать указание целой страницы? Нет, ясно, что цифра означает слово. Каким же образом нужно считать?

Прайс взялся за первую главу и отсчитал пятьдесят пятое слово.

Оно оказалось:

— Почему.

С бьющимся сердцем Прайс взялся за первую цифру и отсчитал нужное число. И сейчас же разочарованно отбросил карандаш обратно.

У него получилось слово:

— Дикари.

— Не то, — разочарованно пробормотал Прайс. Он снова задумался, кусая карандаш, когда в дверях послышался тихий стук.

— Войдите, — вздрогнул Прайс, невольно хватаясь за револьвер, но сейчас же опустил руку, заметив на пороге хмурую фигуру Ли Фу.

— Что тебе нужно, Ли Фу? — сердито спросил Прайс. — Почему ты мешаешь мне работать?

— Я поймал человека, который задумал что-то плохое против моего мастера, — невозмутимо ответил Ли Фу.

Пораженный Прайс вскочил на ноги.

— Что ты говоришь?! Где ты поймал?! Какого человека?!!

Ли Фу мотнул головой вниз, по направлению кухни.

— Он там, — лаконично заметил он.

Прайс вынул револьвер и молча направился по следам Ли Фу вниз по лестнице.

На кухне, на полу, лежал какой-то китаец, крепко и умело связанный толстой бичевой. Он вертел головой из стороны в сторону, как крыса, попавшая в капкан.

Одного взгляда на лежащего было достаточно для Прайса, чтобы убедиться, что это не кто иной, как старый торговец арбузами, выбравший тихую Скотт род местом своей торговли.

— Шник, — подумал Прайс с чувством большого удовлетворения. Хитрость его удалась. Неизвестные враги готовились к новому нападению на него.

— Кто ты такой? — грозно спросил по-китайски Прайс лежащего на полу старика.

Тот начал хныкать, тряся связанными руками.

— Господин, я бедный Сы Цзэ, зарабатывающий себе на пропитание торговлей овощами. Я не знаю, почему ваш бой связал меня, как какого-нибудь бандита. Я честный

человек, господин, и никогда в жизни не шел против закона.

— Как ты поймал его? — обратился Прайс к молчаливому Ли Фу.

— Я заметил его с утра, мастер, — флегматично ответил бой. — Он мне не понравился. Он говорит неправду, что живет продажей овощей. Почему все утро он просидел на нашей улице, не продав ни одного арбуза и не отходя далеко от нашего дома?

Я решил проверить его. Я вышел с черного хода, когда он смотрел на наш дом, оставил дверь полуоткрытой и побежал за угол, где я вошел в соседний дом и через кухню пролез обратно в нашу кухню. Потом я спрятался за дверь и стал ждать. Через минуту этот старик, осторожно озираясь, вошел в нашу кухню и хотел идти дальше. Я вышел из-за двери, показал ему свой нож и приказал протянуть руки, которые и связал бичевой. Потом я крепко запер двери и пошел за вами. Вот и все.

Утомленный такой длинной для него речью, Ли Фу замолк и далее тяжело вздохнул.

— Молодец, — кратко похвалил его Прайс. — Теперь постереги своего гостя, пока я позвоню в полицейский участок, чтобы сюда прислали китайских детективов. Мы устроим ему допрос в полиции.

Вызвав по телефону китайских детективов, Прайс вернулся на кухню. Торговец арбузами лежал теперь спокойно, не протестуя против связанных рук. Ли Фу сидел у стола и равнодушно, ничего не выражающим взором, смотрел на своего пленника.

— Вот он, загадочный Восток, — мелькнуло в уме Прайса, остановившегося на пороге. — Что я знаю о душе моего боя Ли Фу, который служит у меня уже пять лет и был до сих пор предан мне, как собака? Я верю ему на все сто процентов. Но где гарантия, что его преданность останется всегда неизменной? Хотя инстинктивно я чувствую, что он никогда не будет предателем.

Через четверть часа в дом Прайса явились два китайских детектива из полицейского участка. Первый допрос,

учиненный старому торговцу арбузами, не дал никаких результатов. Он упорно повторял, что зашел в кухню, чтобы попросить у боя напиток, и никак не ожидал, что его примут за вора.

— Отвезите его в камеру и пусть он просидит там до завтрашнего утра, — распорядился Прайс. — Скажите дежурному сержанту, что я обвиняю этого фрукта в намерении совершить кражу. Это достаточный повод для задержания.

Старика подняли с пола и увели. Ли Фу принялся возиться у печки, готовя тосты к пятичасовому чаю. Прайс задумчиво вернулся к себе в кабинет.

Первая вылазка врага оказалась неудачной. Но радоваться многому было нечего...

Прайс был уверен, что старый торговец был простым, мелким шпиком, нанятым, чтобы следить за действиями его — Прайса, и доносить какому-то «начальству» о передвижениях Прайса. Это была мелкая птица. Но за ней скоро могла быть и покрупнее.

А пока...

Пока он должен разгадать проклятую тайну шифра.

Прошел весь день и наступил уже глубокий вечер, когда сидевший за листком бумаги Прайс торжествующе и устало поднял голову,

Тайна шифра была разгадана им после целого ряда комбинаций, сравнений, сотни безуспешных попыток.

Первая цифра шифра означала номер страницы. 55-ое слово на этой странице оказалось:

— Робинзон...

Медленно отсчитывая слово за словом, Прайс начертал следующую записку, которая была зажата в кулаке задушенной Эдит:

— Робинзон — хочет — уехать — навсегда — оставьте — Робинзона — ждите инструкций.

Вместо инструкций Эдит Робинзон ожидала смерть.

Глава VIII

НОЧНОЙ ВИЗИТ

Весь этот день прошел совершенно спокойно, прозаично, без каких-либо чрезвычайных происшествий.

Старый Сы Цзэ был отправлен в полицейский участок, где он был допрошен китайскими детективами, а также самим Прайсом. Как и предполагал молодой детектив, допрос кончился ничем.

Старик был нанят каким-то неизвестным ему самому «мистером Ку», который обещал платить ему по пятьдесят центов в день, если он будет следить за всем, что делает в своем доме. Прайс. На вопрос, зачем же он полез в дом, не имея никаких на этот счет инструкций, Сы Цзэ стал говорить что-то длинное и путаное.

— Обычный результат таких допросов, — заметил Прайс Грогу, который также присутствовал на допросе.

Тот пожал плечами.

— И еще, Грог, — продолжал Прайс, отводя приятеля в дальний угол коридора главного полицейского участка. — Мне нужна ваша помощь.

— К вашим услугам, — равнодушно ответил Грог.

Прайс, в кратких словах, объяснил Грогу свой план действия.

— Я буду дичью, за которой охотятся таинственные охотники. Но мне нужен человек, который начал бы слежку за этими милыми охотниками, превращая их в ценную дичь со своей стороны.

— Понимаю, — лаконично заметил Грог.

— Как бы это будете делать — я полагаюсь всецело на вас. Я не хочу знать об этом, да и не могу даже заранее учесть всех возможных положений. Но одно я буду знать твердо: что во всех случаях жизни, как бы туго мне ни пришлось, я имею где-то рядом верного друга. И держите револьвер под рукой. Он может понадобиться вам каждую

минуту. Эти люди, кажется, не любят шутить.

— Не беспокойтесь, — флегматично ответил Грог. — Я обдумаю свой план действия, и будьте уверены, что я всегда буду находиться в нескольких шагах от вас.

— Не старайтесь быть слишком близко ко мне, — предостерег Прайс. — Иначе они могут заметить вас.

Прайс вернулся домой поздно вечером и после ужина обошел все комнаты дома, проверяя замки и крючки. Ли Фу уже мирно спал на кухне, забаррикадировав окна и двери во двор.

— Я думаю, что эту ночь я смогу провести спокойно, — решил про себя Прайс, возвращаясь наверх, в свою уютную спальню.

Но он ошибся. Провести спокойно эту ночь ему не пришлось.

Он не знал, сколько было времени, когда он неожиданно проснулся, звериным инстинктом почувствовав, что проснуться необходимо.

За окном царила глухая, темная ночь. Даже звезд не было на черном, покрытом тяжелыми тучами небе.

Через широко открытое окно на веранду, в комнату вливался свежий, прохладный сентябрьский воздух.

Прайс присел на постели и чутко прислушался. Он не мог сказать с уверенностью, что его разбудил какой-нибудь подозрительный шум. Тем не менее, ему определенно казалось, что в кабинете, смежной со спальней комнате, есть кто то посторонний.

Он слушал. Тишина царила могильная. Только будильник на камине громко отсчитывал проходящие секунды, да где-то далеко за Скотт род с надрывом лаяла собака.

— Нервы, — подумал Прайс, пожимая плечами.

Тем не менее, он все же осторожно отбросил одеяло и неслышно встал с постели. Протянув руку и нащупав револьвер на ночном столике, Прайс, тихо ступая босыми ногами, подошел к полуоткрытой двери и снова прислушался. Секунду царило мертвое молчание. Но затем тонкий слух детектива уловил какой-то легкий, чуть слышный шорох, исходивший со стороны его письменного стола.

Сомнений не было. Таинственные враги сумели проникнуть вовнутрь и теперь хозяйничали в его кабинете в поисках рокового портфеля.

Сердце Прайса забилося сильными неровными ударами. Мысли бешено заплясали в голове, обгоняя одна другую.

План его удался. Враги, вызванные им, появились теперь в его доме. Теперь остается лишь задержать их.

Прайс не был трусом. Он смело шел всегда навстречу опасности. Но здесь его обуяли сомнения. Он не боялся — нет, но все же на секунду замешался, не зная, что делать дальше.

Ворваться в комнату, зажечь свет и арестовать их? Но он не знал, сколько их именно находится там. А если их больше, чем два-три человека? И если они вооружены и наготове ко всяким случайностям?

Он может просто пасть жертвой их выстрелов и тайна двух убийств в Шанхае останется еще более непроницаемой после третьего убийства, на этот раз представителя власти.

Впрочем, раздумывать было поздно. Нужно было действовать.

Прайс сделал еще один шаг к двери, осторожно нащупывая левой рукой выключатель у дверей, чтобы залить комнату электрическим светом.

Выключатель был найден. Стоя на пороге, одним решительным жестом Прайс нажал выключатель, подняв вверх револьвер.

Выключатель громко щелкнул, но в комнате продолжала царить глубокая тьма. Электрические провода были перерезаны.

В тот же момент, из глубины темной комнаты, до слуха Прайса явно долетел женский смехок.

Его присутствие не было тайной. Его видели и ждали его дальнейших шагов. И даже смеялись над ним.

Гнев охватил все существо Прайса. Он был еще очень молод и самолюбив. У него не хватило выдержки старого, опытного детектива, учитывающего свой каждый шаг и не

обращающего внимания на мелкие уколы самолюбия. Но никто не мог отказать ему в молодой и немного бесшабашной смелости.

Громко выругавшись, Прайс бросился вперед к своему письменному столу, желая схватить того, кто там смеялся над ним.

Но в тот же момент что-то сильно ударило его ноги ниже колен.

Прайс потерял равновесие и тяжело упал на пол.

Сильный удар каким-то тяжелым предметом обрушился на его плечи. Нападавший, очевидно, метился в голову, но плохо рассчитал в темноте.

Прайс выстрелил по направлению стола. При вспышке от выстрела он увидел, на мгновение, две темных фигуры перед столом.

В комнате что-то звякнуло, упало, с грохотом посыпались безделушки с этажерки.

Прайс выстрелил еще раз, когда опять кто-то невидимый со страшной силой ударил его чем-то тяжелым, на этот раз прямо по голове.

Прайс застонал и вытянулся на полу, сжимая в руке револьвер.

Он уже не слышал, как три темных фигуры быстро убежали из кабинета, спустились вниз по лестнице и выбежали к автомобилю, ожидавшему их на углу темной и пустынной Скотт род.

Шофер-китаец завел мотор.

— На Бабблинг Вэлл, — коротко по-английски приказала одна из фигур повыше.

Автомобиль сорвался с места и помчался по Норт Сечуен род, с каждой минутой развивая все большую и большую скорость.

Грогу, прицепившемуся к запасной шине автомобиля, пришлось очень туго. Его немилосердно трясло и он только боялся, как бы не слететь на каком-нибудь повороте. В таком случае он насмерть разбил бы себе голову, не говоря о том, что след таинственного врага был бы снова потерян.

Но Грогу везло. Он сумел продеть руку под шину и, таким образом, был обеспечен, что живым доедет до места назначения.

Что будет дальше — он не знал, и не старался представлять себе этого. Он был человеком дела, а не философом.

— Доедем — увидим, — глубокомысленно подумал он, жалея лишь, что в его положении никак нельзя закурить неизменную трубку.

— Как Прайс? — лениво подумал он. — Неужели они прикончили его? Едва ли. Для них это было бы слишком неразумно. Разве можно поднимать сейчас кутерьму на весь город из-за третьего убийства европейца за какие-нибудь две недели? Нет, Прайс, разумеется, жив. Но достаточно ли он комфортабельно себя чувствует в настоящее время?

Глава IX

ДОМ НА БАББЛИНГ ВЭЛЛ

Таинственный автомобиль бешено мчался по пустым ночным улицам Шанхая. Постовые полисмены-индусы, сгорбившиеся под своими кургузыми накидками, удивленно поглядывали на машину с потушенными огнями. Один из индусов заметил Грога, прицепившегося на задке автомобиля, и прокричал что-то неразборчивое, размахивая руками.

Но шофер машины только нажал на газ и автомобиль помчался еще быстрее, скрипя тормозами на поворотах.

Пролетела мимо темная Норт Сечуен род, по которой бродили лишь редкие шатающиеся фигуры американских матросов в своих оригинальных беленьких шапочках, сдвинутых ухарски набекрень. Около каждой такой фигуры вились рикши, наперебой зазывавшие моряка в различные дома свиданий.

Перескочив через мост Оучжоуского канала, мимо массивного здания почты, автомобиль завернул на Нанкин род и здесь слегка замедлил ход, так как Нанкин род не спит даже ночью и улицы были наполнены ночными гуляками, накрашенными проститутками, рикшами, уличными торговцами и так далее и так далее. Промелькнуло темное поле Рейс Корса¹, по обе стороны пошли виллы Бабблинг Вэлл. Здесь было совсем уже темно и пусто. Особняки стояли мрачно, глядя на пустую широкую улицу темными окнами.

Дальше и дальше мчался автомобиль. Руки Грога затекли от судорожного обхвата шины. Он чувствовал, что если машина пройдет еще четверть часа, он не выдержит и свалится на мостовую.

¹ Ипподром и клуб верховой езды в старом Шанхае.

К его счастью, проехав Гордон род, автомобиль замедлил ход и вскоре снова закрипели тормоза перед широкими воротами одного темного особняка.

Приезда автомобиля, очевидно, ждали, так как тяжелые ворота немедленно распахнулись без всякого окрика со стороны шофера, автомобиль плавно вкатился на широкую асфальтную дорожку, прямо к широкому крытому подъезду дома, почти совершенно спрятанному густо разросшимися акациями и еще какими-то ветвистыми деревьями.

Не успел автомобиль остановиться, как Грог неслышно скатился с запасной шины и быстро, на четвереньках, по собачьим пробежал в гущу деревьев у самого входа в дом.

Звякнула автомобильная дверца и три темных фигуры неторопливо вышли из автомобиля. Грог притаился в кустах, сдерживая дыхание, так как фигуры остановились в двух шагах от него, причем одна из фигур принялась возиться с ключом у двери.

— Где портфель? — спросил по-английски человек повыше.

— У меня.

Грог вздрогнул. Говорила женщина. Низкий контральтовый голос. Говорившая махнула рукой, в которой был зажат небольшой портфель.

Дверь, наконец, была открыта и все трое молча вошли в темный вестибюль. После этого дверь с шумом захлопнулась. Автомобиль медленно пополз дальше, очевидно, направляясь в гараж.

Грог долго сидел неподвижно, скорчившись в кустах, ожидая, когда жизнь во дворе и в доме снова заснет. Около гаража долго горел огонек фонаря: шофер закатывал машину в гараж. Чей-то голос, очевидно, сторожа лениво переругивался с ним по-китайски. Затем Грог видел, как оба они завернули за угол дома, направляясь к черному ходу в свои комнаты.

В самом доме, на втором этаже, за закрытыми гардинами горел огонь. Ночные посетители дома Прайса знакомились с содержащем захваченной добычи.

Прождав еще немного и видя, что в саду все мертво и тихо, Грог осторожно выпрямился и, ступая кошачьей поступью, направился вдоль кустов, вокруг дома, желая ознакомиться с характером местности, занятой неприятелем.

Это был обычный шанхайский особняк, построенный в английском духе, с двумя подъездами, с теннис-кортом, с гаражом и какими-то еще надворными постройками — возможно, с помещениями для прислуги.

Все кругом было тихо, включая маленькую сторожку у больших тяжелых ворот, выходящих на Бабблинг Вэлл.

Грог в раздумье остановился в тени деревьев, не зная, что предпринять дальше. Им было сделано на сегодня достаточно. Он узнал логовище таинственных преступников, совершивших двойное преступление за короткий срок, а теперь, может быть, совершивших и третье в доме Прайса.

Что же делать?

Возвращаться ли обратно на Скотт род и посмотреть, что случилось в доме Прайса? Или же попытаться предварительно собрать больше сведений об обитателях таинственного дома?

Чувство долга подсказало Грогу, что он должен постараться остаться здесь, по крайней мере, еще полчаса, чтобы сделать еще более тщательный осмотр всего здания.

Обойдя вторично вокруг дома, Грог заметил, что плющ, обвивший все ставни и двери дома, достаточно плотен и крепок, чтобы выдержать тяжесть его тела.

Особенно густо плющ разросся как раз под окном, в котором теперь горел огонь. Ввиду того, что сентябрьские ночи еще в достаточной степени теплы в Шанхае, окно было открыто.

Недолго думая, с быстротой и цепкостью кошки, Грог взобрался по плющу к подоконнику открытого окна во втором этаже и, упершись ногами в неровные выступы кирпичей, закрывшись в чаще плюща, осторожно приложил ухо к гардине.

Как он предполагал, в комнате, очевидно, сидели трое, с которыми он совершил путешествие от дома Прайса.

В то время, пока Грог бродил по саду, знакомясь с местоположением, таинственные незнакомцы, должно быть, уже ознакомились с содержащем черного изящного портфеля, являвшегося для Прайса приманкой для преступников.

Теперь ночные налетчики ссорились между собой. Они говорили повышенными голосами, с большим раздражением, не боясь, что их могут подслушать.

— А я повторяю, что этот проклятый Прайс оказался умнее, чем мы предполагали и просто-напросто провел нас, как мальчишек, — говорил чей-то сочный баритон по-английски, но с явно иностранным акцентом.

— Почему вы так думаете? — спросил второй мужской голос.

— Потому что Эдит никогда бы не стала хранить такой ерунды, как старые газеты, в своем портфеле. К чему они ей? — огрызнулся первый голос.

В разговор вмешалась женщина. Тот же контральтовый тон, который поразил Грога у подъезда.

— А почему вы не допускаете, что Прайс заблаговременно вынул содержимое портфеля и, опасаясь, что портфель может быть у него похищен, как и шкатулка, набил его старыми бумагами? — предположила женщина.

Она говорила по-английски совершенно свободно, без явного акцента, но чуткое ухо англичанина-детектива все же определило, что говорит не англичанка и не американка.

— Так говорят португалки, — промелькнуло у него в уме.

Ему страстно хотелось взглянуть на сидевших в комнате, но он боялся притронуться к гардине, не желая спугивать редкой и опасной дичи.

— Так это или не так, но мы сделали ошибку, — продолжал холодный баритон. — Вместе с портфелем нам нужно было прихватить с собой сюда и Прайса. Здесь бы мы заставили его говорить.

В голосе говорившего прозвучало столько жестокости, что Грог невольно передернул плечами и с чувством облегчения вспомнил о браунинге у него в заднем кармане брюк.

Во всяком случае, он-то не дастся живым в руки этой странной компании.

— Может быть, не поздно и сейчас... — нерешительно произнес второй мужской голос, но баритон прервал его на полуслове с манерой начальника, обрывающего бесцеремонно речь подчиненного.

— Никогда не пытайтесь сделать два дела в один раз, Шмидт, — сухо произнес он. — Как мы можем быть уверены, что в данный момент в доме Прайса так же пусто и тихо, а сам хозяин с пробитой головой валяется на полу в своем кабинете? Возможно, что сейчас там собралась вся полиция Международного Сеттльмента. В настоящее время нам придется, что называется, залечь в берлогу и выждать некоторое время, чтобы успокоить умы шанхайских властей. Три происшествия за короткий срок — это слишком много для местных патриархальных нравов.

Грог забеспокоился, услышав первые сведения о Прайсе. «Валяется на ковре с разбитой головой». Сведения неутешительные. Нужно спешить, чтобы застать его в живых. Иначе он может пролежать таким образом до утра и истечь кровью. Но все же нужно подождать до окончания этого разговора.

— Каковы же ваши инструкции? — осведомился женский голос, обращаясь, очевидно, к баритону.

— Сидеть спокойно дома и ждать дальнейших событий. Я составлю телеграмму и пошлю в Москву. Инструкции придут оттуда, — холодно ответил баритон.

Грог вытаращил глаза.

«Инструкции», «Москва»... Дело принимало еще более серьезный и запутанный характер. Организация, ответственная за убийство синьора Толедоса и «золотой дамы», а также за нападение на Прайса, выросла в какую-то огромную, серьезную организацию с главным центром не в Шанхае, а почему-то в Москве, откуда и шли инструкции для местных агентов.

Грог решил уходить. Он понял, что одним смелым ходом такого дела не разрешить. Здесь впутывались какие-то сложные международные вопросы. Сейчас нужно спешить

к Прайсу. Он знает теперь этот странный дом на Бабблинг Вэлл, и возможно, что ему и Прайсу придется нанести сюда еще не один тайный визит, пока это дело не будет приведено к какому-то удовлетворительному окончанию...

Так же быстро, но осторожно, Грог спустился по плющу в сад. Тело его, в особенности руки и ноги, болело от мускульного переутомления. Прогулка на задке кузова автомобиля, а затем пребывание «между небом и землей» с плющом для поддержки — давали себя знать.

Грог несколько минут массирует себе руки и ноги, чтобы восстановить правильное кровообращение, размышляя в то же время, каким образом ему выбраться теперь из сада.

Дом был окружен высокой стеной с битым стеклом на поверхности стены, так что путь через стены был исключен. Перелезть через ворота было можно, но Грог опасался, что здесь он может быть замечен случайно из окна дома. Вся беда была в том, что на нем был довольно светлый костюм, который резко выделялся на темном фоне.

Подумав еще несколько минут, Грог решительно направился в сторону гаража и надворных построек. Эти постройки выходили задним фасадом в сад соседней виллы.

Оглянувшись предварительно несколько раз по сторонам и убедившись, что все кругом тихо и мертво, Грог ловко вскарабкался на крышу гаража, а затем так же решительно и быстро, разбежавшись по крыше, спрыгнул в темноту соседнего сада.

Падение оказалось не совсем удачным, так как он попал в какие-то кусты и довольно сильно расцарапал себе правую руку. Выругавшись сквозь зубы, Грог пошел по аллее к выходу из сада.

Ему пришлось долго стучать у сторожки, пока оттуда не вылез удивленный, заспанный сторож. Увидев незнакомого европейца, сторож поразился окончательно. Грог молча показал ему свой детективный значок. Сторож отдал честь и стоял, глупо хлопая глазами.

— Открой ворота и выпусти меня на улицу, — приказал Грог, говоря по-китайски.

Сторож со всех ног поспешил исполнить приказ.

— И еще одно, — строго заметил Грог, выйдя на тихую Синза род. — Если ты скажешь хоть одной душе, что открывал мне сегодня дверь, то я посажу тебя в тюрьму и ты будешь сидеть там, пока я не скажу — «довольно». А я могу очень долго не сказать этого слова.

Перепутанный сторож поднял руки к небу, как бы призывая его в свидетели своего молчания.

Грог вышел на темную и молчаливую Синза род. Предрассветный сумрак стал синим. Легкий туман быстро таял в воздухе.

Грог быстрыми уверенными шагами пошел вдоль улицы, стремясь найти рикшу, чтобы отправиться в ближайший гараж, где он мог бы взять автомобиль и помчаться обратно, на Скотт род, где в этот момент, может быть, умирал Прайс.

Дойдя до первого угла, Грог на секунду остановился в нерешительности, а затем повернул направо, желая выйти обратно на Бабблинг Вэлл. Это намерение было самой грубой ошибкой со стороны Грога, которая повлекла за собой целый ряд роковых и чреватых последствий.

Грог быстро шел по узкому переулку и шаги его звонко отдавались в мертвой предрассветной тишине. Он прошел уже почти весь квартал и был готов выйти снова на Бабблинг Вэлл, когда его чуткое ухо услышало позади себя чьи-то быстрые торопящиеся тати.

Грог остановился, замер на месте, нервно сжимая браунинг в кармане.

Шаги приближались все ближе и ближе. Кто-то спешил и не скрывал своей торопливости. Белая дымка тающего тумана все же была довольно плотной и не позволяла различить что-либо на расстоянии свыше тридцати шагов.

Прошла еще одна томительная минута ожидания и вот какая-то темная фигура смутно обрисовалась перед Грогом.

Грог решительно вытащил браунинг и стиснул зубы, готовясь к бою. Фигура, очевидно, также заметила сыщи-

ка, так как внезапно остановилась, как бы приросшая к земле.

— Кто там? — негромко, но твердо спросил Грог, поднимая браунинг.

Фигура стояла неподвижно, не проронив ни звука.

С сильно забившимся сердцем Грог сделал шаг вперед или, вернее, назад, к Синза род, наступая на неизвестного.

— Руки вверх!! — произнес он по-английски и по-китайски.

Темная фигура медленными движениями подняла руки вверх, образовав широкими рукавами род странных, причудливых крыльев над своей головой.

— Китаец, — с каким-то невольным чувством облегчения подумал Грог.

За пятилетнюю свою службу детективом в Шанхае, Грог привык иметь дело с китайскими налетчиками и бандитами. А все знакомое и привычное никогда не пугает человека, привыкшего к кровавым поединкам.

Грог уверенными шагами подошел к неизвестному. Действительно, это был китаец в шелковом, легком, черном халате, с круглыми черепаховыми очками на носу. Волосы китайца были смазаны каким-то маслом и гладко причесаны, отливая зеркалом. Широкое лицо китайца было в достаточной степени интеллигентно. Узкие глаза смотрели на англичанина из-под очков спокойно, без всякого удивления, а тем более — страха.

— Студент, — мелькнуло в голове детектива, зорко следившего за своим неожиданным пленником.

— Кто ты? — обычным флегматичным тоном спросил Грог у китайца, не опуская револьвера.

Неизвестный китаец усмехнулся уголками рта.

— Я студент Сучжоусского университета Ван Че-лин, — с большой готовностью ответил он.

— Откуда ты идешь? — так же флегматично спросил Грог.

— Я иду от синг-сонг герл по имени «Черная Орхидея», — так же готовно ответил студент. — Я провел у нее ночь и теперь возвращаюсь к себе домой, на Французскую концес-

сию.

— Плохо, — подумал Грог. — Парень слишком разговорчив и откровенен. Это один из «них».

— Я не могу понять, господин, почему ты с револьвером в руках задаешь вопросы мирным прохожим на улице, — продолжал студент, действительно, выказывая большую склонность к разговорчивости. — Разве за последнее время вышел такой закон, что молодые люди не имеют права проводить свои ночи у синг-сонг герлс?¹

— Ты слишком много говоришь, — хмуро заметил Грог. — И мне не нравится твой халат. Держи руки выше. Я хочу обыскать тебя.

Ван Че-лин отступил шаг назад, но сейчас же овладел собой и на тонких губах его появилась слегка издевательская улыбка.

— Я готов повиноваться желанию господина, когда у того в руках револьвер, — ехидно произнес он, не трогаясь с места.

Грог сделал два шага вперед и подошел вплотную к китайцу. Не спуская с него подозрительно настороженного взора. Грог привычной рукой провел по черному халату молодого китайца.

Попытка его увенчалась успехом. На поясе китайца англичанин нащупал какой-то жесткий, посторонний предмет.

— Расстегни халат, — приказал он.

Китаец повиновался, не говоря ни слова.

Грог сунул ему руку за пазуху и немедленно вытащил новенький, блестящий браунинг.

— У тебя странная привычка ходить к своим возлюбленным с такой смертоносной вещицей за пазухой, студент Ван Че-лин, — спокойно заявил Грог, снова отступая на шаг назад.

Студент пожал плечами, храня невозмутимое молчание.

— А теперь мы пройдем до полицейского участка, где я поговорю с тобой подробнее, — продолжал Грог.

¹ Возникшее в XIX в. английское название китайских куртизанок.

Студент продолжал молчать, смотря с каким-то плохо скрываемым ожиданием в сторону, за спину англичанина.

Грог успел перехватить этот странный, подозрительный взгляд. Он только что намеревался бросить взгляд назад, чтобы посмотреть, что привлекает к себе такое усиленное внимание студента, как неожиданно чьи-то цепкие руки схватили его за плечи.

Вторая пара рук вырвала из его руки браунинг и сейчас же зажала рот сыщика. Грог бешено забился, стараясь вырваться из крепких рук неизвестного, но в следующий момент он почувствовал, как в спину ему уперлось дуло револьвера и чей-то голос сухо и веско произнес на ломаном английском языке:

— Стойте и не шевелитесь. Одно движение с вашей стороны — и вы отправитесь вслед за синьором Толедосом.

Грог остановился, понимая всю бесполезность борьбы. В бессильном бешенстве он кусал свои губы.

— Дурак... Не успел удрать... Зачем я пошел к Бабблинг Вэлл? Нужно было бежать зайцем вдоль Синза род и затеряться в одном из самых глухих переулков... — беспорядочно мелькала запоздавшая мысль в голове, раздражая еще больше его профессиональную гордость сыщика.

— Идите вперед, — приказал тот же голос, и дуло револьвера еще сильнее впилося в спину Грога.

Грог мрачно пошел вперед, не глядя на торжествующего Ван Че-лина, который так же молча присоединился к странной компании, направлявшейся к Бабблинг Вэлл род.

Вышли на просторные панели этой самой красивой улицы Шанхая и повернули обратно к темному и мрачному особняку, из сада которого так благополучно, как казалось ему, выбрался Грог.

Ворота на этот раз были полуоткрыты. «Гостей» ждали. Сильные руки продолжали держать за плечи детектива, лишая его возможности увидеть своих неожиданных похитителей. Мимо пронеслась большая закрытая машина с какой-то влюбленной парочкой, очевидно, возвращавшейся домой из какого-либо ночного кабачка.

Грог с тоской посмотрел на машину. Сознание, что помощь была так близка и в то же время так бесконечно далеко от него — убивало молодого детектива. Кричать было бессмысленно. Люди в быстро мчавшейся машине не услышали бы его крика, а если бы даже и услышали, то не обратили бы внимания, приняв всю их мрачную группу за теплую компанию подгулявших друзей.

Молчаливая группа вошла во двор рокового дома, и ворота с глухим стуком захлопнулись за нею.

Под грозным дулом револьвера невидимого похитителя, Грог вошел в подъезд дома, в темный вестибюль.

— Вверх по лестнице, — приказал тот же ломаный английский язык за спиной.

Грог повиновался и поднялся по широким ступеням лестницы, устланной мягкими пушистыми коврами.

Пройдя по длинному пустому коридору, смутно освещенному синей лампочкой в углу, Грог остановился перед тяжелой дубовой дверью в конце коридора.

— Войдите в комнату, — услышал он следующий приказ.

Грог очутился в просторной, комфортабельно обставленной гостиной. Мягкие кушетки, кресла, пуфы. На стенах огромные картины с какими-то мифологическими сюжетами. В камине, несмотря на теплый сентябрь, горел приветливый огонек, освещавший комнату причудливым красноватым светом.

Сильная рука грубо толкнула Грога в спину, когда он остановился на пороге. Грог сделал по инерции несколько торопливых шагов вглубь комнаты. Дверь за его спиной была шумно захлопнута и, таким образом, Грог не имел даже возможности увидеть лицо человека, доставившего его в роковой дом под угрозой наведенного револьвера.

— Что же будет дальше?

Грог флегматично сплюнул прямо на дорогой тяньцзиньский ковер, покрывавший пол комнаты. Затем, не торопясь, засунув руки в карманы, принялся методически осматривать комнату.

Это была самая обыкновенная буржуазная гостиная какого-либо зажиточного шанхайца, не стремящегося к «излишне» культурной жизни и предпочитающего земные блага всем идеалам духовного совершенства. Картины на стенах были в тяжелых и дорогих рамах, но написаны неизвестными и довольно слабыми художниками. На этажерках стояли трафаретные безделушки, которые можно было найти в любой скромной гостиной. В комнате не чувствовалось индивидуальности хозяина. В ней было все, что обычно полагается иметь в гостиных. Но и все.

Грог подошел к окну. Окно выходило в темный парк перед домом. Густой плющ вился у самого подоконника, и англичанин с первого взгляда сообразил, что именно в это окно полчаса тому назад он подслушивал разговор трех лиц.

— Что ж, очевидно, сама судьба желает, чтобы сегодня же ночью я обязательно познакомился с героями этой занятной истории, — довольно легкомысленно подумал Грог.

Он мало боялся за свою личную безопасность. Чутье и логика подсказывали ему, что едва ли таинственные враги посмеют убить его в этом доме и этим самым создать новую сенсацию в Шанхае. После такого серьезного случая на ноги поднялся бы весь официальный мир. А это едва ли было в интересах таинственной шайки, ожидающей каких-то инструкций из Москвы.

Вернее всего, Грога просто задержат, пока что, чтобы он не выдал властям адреса таинственного дома на Бабблинг Вэлл. Безусловно, от него постараются выпытать, сколько именно ему и Прайсу известно об этом доме. Несомненно, что для них было уже большой неожиданностью то обстоятельство, что детективы вообще узнали о существовании этого дома.

Теперь московским наймитам нужно было замечать следы.

Так думал Грог, невозмутимо шагая взад и вперед по комнате, и на душе его укреплялось полнейшее хладнокровие и даже легкое ироническое отношение к врагу, который, несмотря на кажущуюся победу, очутился в довольно глупом и затруднительном положении. Случай помог

им захватить муниципального детектива в плен. Но что же им теперь делать со своим неожиданным и ненужным пленником?

Грог опустил в кресло и закурил свою неизменную трубку, когда дверь в гостиную из коридора неожиданно распахнулась и в комнату вошла твердым шагом стройная молодая женщина со смуглым лицом и иссиня-черными волосами, уложенными в оригинальную прическу бандо, которую обычно в то время носили португалки.

— Здравствуйте, господин Грог, — вежливо произнесла вошедшая.

Грог быстро поднялся с кресла, как подобает поступать джентльмену при появлении в комнате дамы.

Пламя от камина на минуту ярко осветило лицо молодой женщины, и Грог невольно смешался.

— Где я видел это лицо, эти большие темные глаза, эту богатую корону волос?

В этот момент вошедшая инстинктивным жестом подняла руки, чтобы поправить волосы.

Грог чуть не закричал от ужаса и неожиданности. Эта женщина, стоявшая перед ним с поднятыми вверх руками, сейчас же воскресила в его памяти другой женский силуэт, запечатлевшийся... в застывших зрачках синьора Толедоса.

Глава X

ПРАЙС ЗА РАБОТОЙ

Прайс очнулся приблизительно через час после нанесенного ему удара. Он сел на полу и потер сильно болезненную голову. На голове он нащупал большую опухоль.

— Черт побери, — хрипло пробормотал Прайс, собираясь с мыслями.

Он вспомнил все по порядку. Как он осторожно открыл дверь в кабинет, как тщетно пытался зажечь свет, как в комнате раздался насмешливый женский смешок и как он, бросившись вперед, ударился о какое-то препятствие и упал на пол, где его оглушили двумя ударами каким-то тяжелым предметом.

— Неужели никто не слышал моих двух выстрелов? — пробормотал Прайс, но сейчас же вспомнил, что вряд ли ночью кто-нибудь мог услышать выстрел в его доме, а если соседи и слышали этот треск, то сочли его за несчастный случай с шинами проезжавшего мимо автомобиля.

Прайс медленно, с большим трудом, поднялся на ноги, шатаясь, сделал несколько шагов и опустился в кресло у стола.

Там он просидел пять минут, стараясь прийти в себя, успокоиться и решить, что делать дальше.

Просидев вместо пяти — десять минут и ничего не придумав, Прайс открыл ящики своего письменного стола с перерытыми бумагами. Налетчики осмотрели все ящики, прежде чем наткнулись на черный портфель.

Желтый кружок фонарика объехал всю комнату. В ней царил полный разгром. Этажерка с книгами свалилась на пол и пол был засыпан осколками разбитых фарфоровых и хрустальных безделушек. Два стула были также перевернуты и валялись посреди комнаты.

В следующий момент свет фонарика пояснил Прайсу причину его падения. У двери был крепко натянут тонкий шнур

на высоте одного фута от пола.

Простое, но гениальное средство предохранения себя от детектива, пущенное в ход таинственными налетчиками. И он, Прайс, как мальчишка, попался загадочным незнакомцам.

Второе поражение. Портфель похищен и Прайс даже не знает, кто его похитил и куда скрылись похитители. Цель приманки были достигнута.

Прайс простонал от возмущения, гнева и отчаянной боли в пораненном затылке.

Но каким же образом эти незнакомцы проникли в тщательно охранявшийся дом Прайса? Он сам лично просмотрел все крючки и запоры на дверях дома перед тем, как лечь спать. Что касается Ли Фу, то он забаррикадировал окна и двери на кухне, как в хорошей траншее. Кстати, где Ли Фу? Неужели он не мог услышать выстрелов в кабинете своего хозяина?

При этой мысли Прайс вскочил на ноги. Освещая себе путь фонариком, он вышел в коридор и попробовал открыть там свет.

Как он и предполагал, весь дом был погружен во мрак. Преступники, прежде чем войти в дом, сумели прервать подачу электрической энергии в дом Прайса.

Прайс спустился вниз и осторожно прошел на кухню. Там его ждало необычное зрелище.

Ли Фу, связанный по рукам и ногам, лежал на полу кухни точно так же, как накануне лежал старик Сы Цзэ. Ли Фу лежал спокойно и только в узких глазах его горел злобный огонек, как у дикого зверя, попавшего в капкан.

Впрочем, узнав вошедшего Прайса, Ли Фу облегченно вздохнул и в глазах его мелькнула отраженная радость. Од промычал что-то, тряся головой, желая показать Прайсу, что рот его завязан какой-то тряпкой.

Прайс покачал головой, пожал плечами и немедленно развязал китайца. Тот поднялся на ноги, потирая болевшие от веревок руки и ноги.

— Вы живы, мастер? — пробормотал он.

— К моему удивлению, жив, — сухо ответил окончательно пришедший в себя Прайс. — Но скажи, каким образом ты попался им в руки? Где же твой верный союзник — нож, которым ты гордился передо мной?

Ли Фу был уязвлен в самое сердце. Лицо его слегка дернулось, как будто от боли, но ответил он обычным бесстрастным тоном:

— Меня разбудил звонок у парадной двери. Я подошел и спросил: «Кто там?». Голос иностранной женщины ответил, что она желает видеть вас. Я подумал, что иностранная женщина не может быть тем врагом, о котором говорили вы. Я открыл дверь, чтобы взглянуть на эту женщину. Но дверь моментально распахнулась и два человека, не китайцы, а иностранцы, схватили меня за руки. Женщина завязала мне рот. Потом они скрутили мне руки и ноги и отнесли на кухню.

— Так ты видел нападавших? — взволнованно опросил Прайс.

— Видел, мастер. Женщина высока, красива и имеет большую черную прическу. Это была португалка. Один сопровождавший ее мужчина был широкоплеч, со светлыми волосами и большой челюстью. Другой — высок, худ и имеет большой, острый нос. Он похож на птицу, мастер.

— Они говорили с тобой или между собой? На каком языке они говорили? — быстро справился Прайс.

— На английском языке, мастер. Но один из мужчин говорил очень плохо и мало. Впрочем, они разговаривали все очень мало. Свяжав и отнеся меня на кухню, они выключили рубильник и оставили весь дом без света. Я был уверен, что теперь они найдут и убьют вас.

Я проклинал себя за неосторожность. С этой минуты я потерял доверие к иностранным женщинам. Никогда больше я не буду слушать их...

Прайс горько усмехнулся. Ли Фу был виноват, поступив неосторожно по своей доверчивости. Но бранить его у Прайса не хватило сил. Разве он сам не поступил так же слишком опрометчиво, не приняв более действительных мер предосторожности против неожиданного нападения? Ведь его

план был сведен теперь почти на нет. Теперь нужно было лишь надеяться, что Грог сдержал данное им обещание и был недалеко от места нападения. Может быть, теперь он уже проследил налетчиков в их логово. Приходилось вооружаться терпением и ждать.

Как это ни покажется странным читателю, но Прайс вместо того, чтобы проявить самую лихорадочную активную деятельность, решил прежде всего уснуть на остаток ночи, чтобы подкрепить свои силы, а утром, со свежей головой, приняться за разрешение мрачной головоломки, представшей на его жизненной карьере. Это решение было подсказано ему также большой уверенностью об осторожности и смелости Грога. Нужно было подождать его появления и доклада. Может быть, он принесет новые, более ясные сведения о шайке таинственных убийц и грабителей. Все равно, в настоящее время пытаться разыскать Грога было бесполезно.

Прайс хладнокровно вернулся в спальню, выкурил несколько сигарет и скоро заснул крепким сном, отдыхая от пережитых тревог.

Проснулся он рано, около семи часов утра, и с радостью почувствовал, что вчерашнее приключение несколько не отозвалось на его здоровье. Он был свеж, голова не болела, хотя рана немного саднила.

Приняв ванну и позавтракав, Прайс выехал в главное полицейское управление, посоветовав на прощанье своему бою быть в следующий раз поосторожнее. Тот только мрачно кивнул головой, крепко сжимая свои тонкие губы.

— Не беспокойтесь, мастер, — мрачно проворчал он.

Явившись в полицию, Прайс прежде всего позвонил на квартиру Грога. Заспанный бой сообщил ему по телефону, что мастер Грог не возвращался всю ночь. Прайс пожал плечами. Он и не ожидал иного ответа. С одной стороны, это был благоприятный признак, означая, что Грог действительно находится на работе и, может быть, в данный момент идет по горячему следу. Но в то же время какое-то смутное беспокойство таилось в душе Прайса. Правда, Грог хитер, осторожен, силен и рассудителен. Но все же он был

один в борьбе против целой шайки, ресурсы которой никто из них полностью не знал. А что, если, вместо победы, Грог получил уже поражение и, может быть, даже вычеркнут теперь из списка живых? Впрочем, это едва ли. Тайнственной шайке просто невыгодно было убивать Грога, даже если она поймала его. Гибель агента полиции означала бы слишком большой скандал для Шанхая и все международные власти встали бы на ноги, чтобы разоблачить преступников.

Но все же, где же Грог?

Прайс пошел в центральный полицейский участок и попросил дать ему рапорты постовых полисменов, дежуривших в прошлую ночь. Дежурный сержант флегматично придвинул ему толстую книгу дежурств.

— Ничего особенного, господин Прайс, — лениво ответил он. — Несколько драк, арест карманщика — вот и все, что произошло за последнюю ночь.

Прайс внимательно пробежал сухие строки официальных донесений, когда его внимание обратилось на рапорт одного из индусов-полисменов, дежурившего на углу Нанкин род. Постовой-сикх доносил, что вчера, около трех часов ночи, мимо него бешено промчался большой «бюик» с потушенными огнями, в противовес полицейским правилам. Но самое замечательное было не это мелкое нарушение полицейских постановлений, как то, что сзади, на запасной шине, индус видел сидящего иностранца, которому грозила ежеминутная опасность свалиться на мостовую и разбить себе череп. Сикх даже крикнул шоферу машины, чтобы тот остановился, желая снять странного пассажира с запасной шины, но шофер, очевидно, не расслышал и еще больше прибавил газа, уносясь по направлению к Бабблинг Вэлл род.

— Это Грог, — быстро промелькнуло в голове Прайса. — Он проследил негодяев.

Он жадно впился глазами в дальнейшие строки доклада. Сообразительный индус, строго следуя приказу доносить обо всем странном и необычном, происходившем в течение его дежурств, сообщил, что, несмотря на полумрак и

быстроту, с которой скрылся этот автомобиль, он успел заметить его номер: 35787. На этом доклад сикха кончался.

— Молодец! — пробормотал сквозь зубы Прайс, отгаливающая книгу. — Теперь лишь узнать имя владельца автомобиля с этим номером и я сделаю один из самых крупных шагов вперед к разоблачению всей тайны.

Он быстрыми шагами направился в отдел движения и там попросил указать ему имя владельца автомобиля № 35787.

Но его ждало разочарование. Полицейского номера 35787 в Шанхае не существовало. Очевидно, номер на автомобиле был ложный. И тонкая нить, по которой отправился было Прайс для разрешения кровавой тайны, снова прервалась самым роковым образом.

Несмотря на свое хладнокровие, Прайс выругался и закусил губу. Что же делать? Идти с докладом на начальство, поднимать шум по поводу исчезновения Грога, ставить на ноги все власти Шанхая и этим вспугнуть преступников? Или же, веря в счастливую звезду Грога, подождать еще немного, дожидаться его возвращения, объяснения и только после этого уже действовать решительно?.. Прайс был в недоумении.

Час проходил за часом, но Грог не появлялся. Чтобы занять чем-нибудь медленно тянущееся время, Прайс съездил на квартиру Грога, но там не узнал ничего нового. Грог жил в меблированных комнатах и там никто не мог сказать ценного для Прайса. Грог всегда уходил и приходил, когда ему вздумается, часто не появлялся дома по нескольким дням, не вызывая этим ничьего удивления, и даже бой, последний человек, видевший Грога, мог сообщить лишь, что Грог поужинал в 9 часов вечера, после чего ушел, сказав на прощанье бою, что он, по всей вероятности, не вернется ночевать.

Прайс вернулся домой, успел пообедать, снова промыть рану на голове, почистить револьвер. Каждый час он звонил на станцию и в дом Грога, но каждый раз получал стереотипный, неутешительный ответ:

— Грог не возвращался.

Утомленный бестолковым, длинным днем, полным одной тяжелой заботы о своем пропавшем друге, не зная, что ему делать дальше, Прайс незаметно заснул в кресле у камина. Ему снился какой-то страшный, суматошный сон. Какие-то тени грозили ему длинными цепкими руками, чьи-то темные глаза злобно заглядывали ему в лицо, чей-то хриплый голос хрипло подхихикивал у самого уха. Затем чья-то тяжелая рука легла на его плечо и принялась давить его все больше и больше, пока Прайс не проснулся.

Прайс вздрогнул, поднял голову и вздрогнул еще больше.

Перед ним, с ленивой улыбкой на худом и умном лице, стоял пропавший было Грог.

Глава XI

ПОХОЖДЕНИЯ ГРОГА

— Черт побери, — вскричал пораженный и обрадованный Прайс, немедленно вскакивая с кресла. — Вы еще живы?

— По-видимому, жив, — последовая невозмутимый ответ Грога. — Хотя нельзя сказать, что я был очень далек от такого приятного явления, как небытие или нирвана.

— Ну, садитесь и рассказывайте, — нетерпеливо прервал его Прайс. — Виски стоит на камине. Вам, наверное, нужно подкрепиться.

— Блестящая мысль, — так же лениво отозвался Грог, проходя к камину и наливая себе из графина солидную порцию виски в стакан.

Он не торопясь долил стакан содой, посмотрел на смесь одобрителем взглядом, уютно расположился в кресле против Прайса и принялся смаковать напиток.

— Ну, говорите же, — не выдержал Прайс. — Я весь нетерпение.

— Хорошо, — сейчас же согласился Грог, прихлебывая виски.

Сухими и краткими фразами он передал Прайсу свои приключения, начиная с того момента, когда он устроился на запасной шине таинственного автомобиля, вплоть до того момента, когда в гостиной дома на Бабблинг Вэлл он столкнулся лицом к лицу с роковой незнакомкой, образ которой застыл в мертвых зрачках синьора Толедоса.

— Прелестная незнакомка, очевидно, заметила мое волнение, — нетерпеливо продолжал Грог, — потому что она нахмурилась, приветливая улыбка или, вернее, усмешка исчезла с ее лица и она сказала мне сухим тоном:

— Перестаньте делать изумленные мины, господин Грог, и лучше выслушайте то, что я хочу сказать вам.

— Я всегда в распоряжении прекрасных дам, — галантно ответил я.

— Перестаньте паясничать, — нетерпеливо стукнула она ногой. — Мы не в светской гостиной и не забывайте, что ваше положение не из веселых.

Она многозначительно сдвинула брови, темные глаза ее сверкнули странным огоньком и, поверьте, что я почувствовал себя довольно некомфортабельно, вспомнив кровавое горло синьора Толедоса и задушенную «золотую даму».

— Я вас слушаю, — сухо повторил я.

— Так-то вот лучше, — усмехнулась она.

Таинственная незнакомка уселась в кресло и устремила на меня свой огненный взгляд:

— По мере сил моих я буду кратка, — начала она, обращаясь ко мне, — Откровенно говоря, ни мне, ни моим друзьям не улыбалось вести с вами какие бы то ни было разговоры, но... что ж поделаешь. В наши планы, к сожалению, не входит поднимать на ноги весь Шанхай из-за такой персоны, как ваша.

— Благодарю за откровенность, — саркастически заметил я.

Она снова топнула ногой.

— Если вы не хотите слушать меня серьезно, то я уйду и вместо меня придет разговаривать другой человек, присутствие которого едва ли придется вам по вкусу, — зловеще пообещала она. — Но я продолжаю. Слушайте и не перебивайте.

Она задумчиво посмотрела на затухающий огонь в камине.

— Итак, дело обстоит следующим образом, — продолжала она. — По некоторым весьма веским причинам, мне и моим друзьям помешал синьор Толедос, который и скончался не совсем тихой христианской кончиной. Затем та же участь постигла и мадам Робинзон, которая, не будучи профессиональной агентшей, выказала признаки слабости и уже была готова рассказать вашему приятелю Прайсу кое-что, что не предназначается для ушей местных властей. Говорю вам откровенно, что эти две смерти неприятны нам

в большей степени, чем даже вам — представителям властей. Мы привыкли проводить свои цели более тихим и деликатным образом. Но опять-таки, обстоятельства заставили прибегнуть к ненужным и довольно кровавым мелодрамам. После этого дело осложнилось тем, что ваш приятель Прайс и вы, господин Грог, пожелали всунуть ваши носы в те дела, которые вас абсолютно не касаются. Нам было бы легко разделаться с вами тем же сакраментальным путем, но... наши инструкции самым решительным образом запретили нам это. Поэтому, несмотря на то, что вы лично находитесь в данное время всецело в нашей власти, я пришла к вам для откровенных и чистосердечных переговоров, чтобы найти выход из создавшегося неприятного, как для нас, так и для вас, положения...

Она замолкла, выжидательно глядя на меня, как бы ожидая реплики. Я не замедлил воспользоваться этим молчаливым предложением:

— Вы все время повторяете местоимение «мы». Разрешите полюбопытствовать, кто это «мы»? Тогда мне будет легче разговаривать с вами, — сказала я.

Незнакомка усмехнулась.

— Вы слишком прытки, господин Грог, — заявила она. — Достаточно, если я вам скажу, что «мы» — это... группа лиц, которая ведет работу здесь, в Шанхае, для своих личных целей и по определенным заданиям, которые выходят всецело из компетенции шанхайских полицейских властей, — сухо пояснила она. — Но я перейду теперь прямо к цели моего разговора с вами. Мы знаем, что Прайс успел захватить среди вещей госпожи Робинзон кое-какие бумаги. Мы знаем, что они у него, несмотря на то, что в похищенном нами портфеле оказались одни газетные листы. Дело в том, что мы точно знаем, какие именно бумаги хранились у нее. Часть этих бумаг мы вернули в шкатулке, которую потерял по пути домой ваш Прайс. Но часть, и самая важная, исчезла и, очевидно, находится у Прайса. Таким образом, он знает слишком много. Вы тоже довольно глубоко завязли в этом деле. В общем, вы оба стоите на нашем пути. Повторяю, что мы могли избавиться от вас са-

мым простым способом, но, снова повторяю, что мы решили пойти иным путем. Мы предлагаем вам и вашему приятелю Прайсу чрезвычайно выгодную сделку.

— А именно? — поинтересовался я.

— Вы должны забыть все это дело самым решительным образом, — сухо и твердо заявила роковая брюнетка. — Вы должны доложить вашему начальству, что у нас нет никаких улик и вы отказываетесь продолжать расследование этого дела. Прайс должен вернуть те бумаги, которые находятся в его распоряжении. Это все.

— Очень немного, — сухо усмехнулся я. — Но вы забываете, что после такого заявления нас не продержат в полиции больше двадцати четырех минут и наша карьера в Шанхае закончится самым блистательным образом.

— Мы предусмотрели эту возможность, — разделяя слова, сказала португалка. — И могу довести до вашего сведения, что, выполнив все наши требования, вы и Прайс получите от нас по двадцать тысяч американских долларов. Таких денег вы не получите, пожалуй, за двадцать пять лет пребывания на шанхайской почве. Кроме того, мы предлагаем вам проездной билет в любую страну, где бы вы могли начать новую жизнь и новую карьеру со своими долларами. Понятно? Что вы скажете на это?

Она замолчала и устремила на меня свой мрачный, выжидательный взгляд.

Я быстро соображал, стремясь в эти несколько секунд обдумать положение и вырешить свой ответ. Затем я пожал плечами и произнес самым ленивым и равнодушным тоном:

— Ваше предложение довольно интересно и заслуживает самого внимательного размышления. Но прежде всего, разрешите сказать, что мне нужно обсудить ваше интересное предложение с моим другом Прайсом. Каким образом вы предполагаете сделать это?

— Мы обдумали и это положение, — твердо ответила она, — и мы решили освободить вас, если вы дадите честное слово, что вы не приведете полицию в этот дом. Впрочем, я думаю, что вы не сделаете этого и сами. Вы, конеч-

но, понимаете, что, выпустив вас, мы в тот же момент покинем и этот дом. Нас или наших следов вы здесь не найдете. Тем не менее, если вы оставите этот дом в покое, мы будем знать, что вы согласились не вести смертельной борьбы. Но если с вашей стороны, после того, как мы так великодушно и смело отпустим вас на свободу, последуют какие-нибудь... не совсем этичные меры, то берегитесь. Наши руки длинны и вам не избежать смерти.

Я вопросительно поднял брови:

— Вы запугиваете?!

— Совсем нет, — хладнокровно ответила португалка. — Я говорю самым деловым тоном. Синьор Толедос и миссис Робинзон могли бы подтвердить вам, что мы всегда выполняем наши обещания.

Мы поговорили с ней еще минут пять-десять. Я согласился на предложение передать вам ее слова. После этого она встала и, любезно улыбнувшись, добавила:

— Я боюсь, все же, что эту ночь и часть завтрашнего дня вам придется еще воспользоваться нашим гостеприимством здесь. Дело в том, что окончательное слово для вашего освобождения принадлежит не мне, а... одному господину, который должен вернуться только завтра к вечеру. Надеюсь, бы не посетуете на нас за это.

Она мило улыбнулась и ушла, оставив меня в самом глубочайшем раздумье.

Выкурив две трубки, я прислушался. В доме царила полная тишина. Я встал с кресла, намереваясь сделать некоторый осмотр дома, в который меня забросила судьба. Я не собирался бежать. Нет. Я был уверен, что меня выпустят на свободу без всяких мелодраматических сцен. Португалка была права. Третье преступление за такой короткий срок могло бы поднять шума больше, чем этого хотелось бы «им», кто бы ни были эти таинственные «они». Я осмотрел комнату, но не нашел в ней ничего интересного. Самая простая, мещанская гостиная. Тогда я подошел к двери в коридор и нажал ручку.

К моему удивлению, ручка повернулась и дверь, тихо скрипнув, отворилась. Я сделал шаг вперед и остановился

на пороге.

Коридор был смутно освещен фонариком, горевшим у лестницы. Пол коридора был устлан толстым ковром, скрадывавшим шаги. Поэтому я не слышал, как кто-то подошел ко мне с другой стороны, и только когда этот «кто-то» дотронулся до моего плеча, я быстро обернулся.

Передо мной стоял высокий, здоровый парень в синей фуфайке, четко обрисовывавшей могучие плечи. Низкий лоб гориллы, сильно выдвинутая вперед челюсть. Маленькие глазки, свирепо смотревшие на меня. Уверяю вас, что я почувствовал себя очень некомфортабельно.

— Идите назад в комнату, — хрипло произнес счастливый обладатель низкого звериного лба с самым ужасным акцентом. Я немедленно узнал в нем русского.

— Что я должен делать там? — иронически переспросил я.

— Спать, — лаконически ответил он. — Там есть диван.

— А если мне не хочется спать? — продолжал поддразнивать я.

Парень слегка усмехнулся и пожал плечами.

— Делайте, что хотите, но выхода из комнаты вам нет, решительно заметил он. — Таковы мои инструкции. Идите...

И он довольно сильно подтолкнул меня в спину.

Я решил не спорить и нехотя вернулся в комнату, причем дверь снова была тщательно захлопнута за моей спиной. Очевидно, этот страж был поставлен специально для меня. Делать было нечего, и я, растянувшись на диване, скоро уснул самым спокойным образом.

Полная приключений ночь заставила меня спать очень долго. Когда я проснулся, солнце стояло уже высоко на небе. Было не менее 8-9 часов утра. Проснулся я с каким-то странным, неприятным чувством. Мне чудилось, что кто-то смотрит на меня, не спуская пристального взгляда. Я поднял голову и убедился, что я был прав. Вчерашний парень из коридора сидел теперь в кресле и, действительно, внимательно смотрел на меня. Увидев, что я проснулся, он мрачно спросил:

— Хотите чаю?

Я сказал, что хочу. Он так же мрачно ушел и вернулся с тазом боды для умыванья и полотенцем. Затем он принес мне чайник с жидким чаем, тост, масло и молоко.

Я умылся, напился чаю, после чего парень, продолжавший следить за каждым моим движением, унес поднос и больше уже не вернулся. Пробродив с час по комнате, я наконец нашел на одном из столиков книжку рассказов и спокойно углубился в чтение, решив запастись терпением на будущее.

Меня не тревожили до двенадцати часов, когда тот же мрачный парень принес мне завтрак. С аппетитом уничтожая завтрак, я попытался задать несколько вопросов моему стражу, но получал односложные ответы «да» или «нет». Очевидно, в его инструкции не входил разговор со мной и, кроме того, я сомневаюсь, чтобы он мог вообще много разговаривать по-английски.

После завтрака я снова принялся за чтение и так незаметно скоротал день. За окном уже начало темнеть и я зажег в комнате электричество, когда за дверями послышался какой-то шум и, прежде чем я успел вскочить с дивана, дверь быстро распахнулась и в нее влетел маленький, толстый человечек с большой лысой головой, в круглых черепастых очках на толстом носу. Вслед за этим посетителем в комнате появилась вчерашняя португалка. Сзади них в коридоре виднелась могучая фигура моего стража.

Я продолжал сидеть на диване, глядя на вошедших. Человечек так же внимательно смотрел на меня. Португалка стояла сзади с самым равнодушным видом, изредка поправляя свою прекрасную темную прическу.

— Мистер Грог, — вдруг быстро произнес человечек.

— К вашим услугам, — немедленно и очень любезно ответил я.

— Эта дама, — мотнул он небрежно головой назад, — уже передавала вам наше решение по поводу вас и вашего приятеля Прайса?

— Совершенно верно, — подтвердил я.

— Сейчас вы будете свободны. Предлагаю вам сейчас же проехать к Прайсу и передать ему о ваших приключениях. Я думаю, что вам потребуется день или два, чтобы вырешить ваш курс действия. Мне терпеливы. Мы можем ждать.

Человечек облизнул свои толстые губы и продолжал дальше:

— Если вы будете благоразумны и поймете, что требуется для вашей прямой выгоды, то вы можете сообщить нам об этом при помощи объявления, которое вы поместите в «Норт Чайна Дэйли Ньюз» в отделе «Личное». Вы можете написать всего несколько слов, хотя бы так: «Согласны встретиться с вами». Вот и все. После этого, на следующий день, взгляните в ту же газету и мы поместим там час и место встречи. Понятно?

Я медленно наклонил голову.

— Вот и прекрасно, — обрадовался человечек. — А теперь...

Он отступил на шаг назад и театрально развел руками:

— Вы совершенно свободны, господин Грог.

Я не заставил повторять этого приглашения и немедленно поднялся с места. Мрачный парень провел меня по коридору. Перед тем, как спускаться по лестнице, я невольно оглянулся назад. Таинственная португалка к толстенький человечек стояли в дверях гостиной, глядя мне вслед. И вместе с ними стоял кто-то третий. Это был высокий мужчина с большой лысиной. Широкоплечий. Бритое длинное лицо. Это все, что я успел запомнить. Я не мог оставаться дольше и разглядывать, так как все они трое смотрели прямо на меня. И мой спутник также нетерпеливо повернул ко мне голову.

— Идем, идем, — буркнул он. — Вам здесь не театр.

Мы спустились вниз, открыли выходную дверь, очутились в парке, по которому я бродил прошлой ночью. Парк и двор были пусты. Парень довел меня до ворот, открыл калитку и выпустил наружу. Я кивнул ему головой и только что хотел быстрыми шагами направиться к остановке трамвая, как парень слегка задержал меня за плечо. Я вопросительно взглянул на него.

— Я не знаю, почему вас выпускают так легко, — пробормотал он, глядя мне в лицо с плохо скрытой ненавистью. — Очевидно, они нашли путь заставить вас молчать. Я же могу только повторить: если вы еще раз когда-либо попадетесь лично мне в руки, вам несдобровать. Я душил таких господ десятками, как вы, в России.

— Счастливая Россия, — вызывающе возразил я, глядя ему в упор в глаза. Я не боялся его, несмотря на его огромные руки и широкие плечи. Кроме того, я знал теперь, что он простое оружие в руках более могущественных темных сил.

Он искривился от злобы, хотел что-то сказать еще, но потом только махнул рукой и резко захлопнул калитку перед моим носом.

Я был свободен.

Если бы вы знали, Прайс, как хорошо чувствовать себя свободным после того, как проведешь сутки в таком прекрасном гостеприимном доме. Я шел по Бабблинг Вэлл род, чуть ли не танцуя по панели. В душе моей пели птицы. Я дошел до первого гаража; взял машину и поехал прямо к вам. Вот и все.

Утомленный долгим рассказом, Грог повалился в кресло и вытащил трубку. В комнате воцарилось длительное, напряженное молчание. Пораженный Прайс, закусив губу, лихорадочно обдумывал все то, что рассказал ему Грог. Тот раскурил трубку и теперь наслаждался покоем и комфортом, закрыв глаза.

— Хорошо, — наконец произнес Прайс. — Что же вы думаете по этому поводу?

Грог открыл глаза и удивленно пожал плечами.

— Думаю? Я ничего не думаю. Дело ясно, как апельсин.

Он поднялся на ноги и на лице его появилось серьезное выражение.

— Для меня ясно, что из чисто уголовного поля действия мы перешли в обширное поле так называемой международной политики. Разве вам не понятно, кто и что кроется под этими двумя убийствами и моим пленением? Здесь действует Коминтерн.

— Коминтерн? — повторил Прайс, пожимая плечами. — Может быть, вы поясните мне, что такое Коминтерн. Я плохо разбираюсь в русских делах.

Грог немного усмехнулся.

— Это не русское дело, — возразил он. — Коминтерн — это сокращенное «Коммунистический Интернационал». Это великолепное учреждение усиленно работает по проведению мировой революции. Агенты его рассыпаны по всему свету. Имеются они, разумеется, и в Шанхае. Я не знаю и не могу сказать точно в данный момент, что именно преследовали агенты Коминтерна в нашем городе, но во всяком случае ясно одно, что синьор Толедос и миссис Робинзон были связаны какими-то странными нитями с этими агентами. Может быть, они сами были агентами Коминтерна и навлекли на себя гнев власть имущих. Может быть, агентом был только синьор Толедос, а миссис Робинзон погибла, так как случайно знала слишком много. Может быть, наоборот, Толедос неожиданно попал в скверную историю, познакомившись и влюбившись в миссис Робинзон. Все это пока гадательно и трудно объяснимо. Но во всяком случае, мы значительно продвинулись вперед в наших розысках. Еще третьего дня мы не знали, кто и что такое наши враги. Теперь мы знаем их в лицо, знаем их адрес и имеем даже самое деловое предложение от них. Разве это не прекрасно?

— Это великолепно, — быстро согласился Прайс. — И всем этим мы обязаны только вашему мужеству и находчивости, Грог. Поистине счастлив тот час, когда вас прикомандировали ко мне для разбора этого дела. Но теперь мы должны обсудить: что же нам делать дальше? Сделать рапорт в полицию? Или... устраивать деловое свидание?

Грог удивленно пожал плечами.

— Я думаю, что здесь вопросы бесполезны. Курс действий ясен без слов. Конечно, мы должны поместить это объявление в «Норт Чайна Дэйли Ньюз». И, конечно, мы должны вести переговоры.

Прайс взволнованно вскочил на ноги.

— Черт возьми, конечно, вы правы. Это дело оказалось значительно больше, чем мы предполагали даже после второго убийства. Нас ожидают великие почести, Грог.

— Или пуля в спину, — лениво-добродушно предостерег Грог.

Прайс пожал плечами и махнул рукой. Потом протянул руку Грогу:

— Итак, едем в контору газеты давать объявление.

— Едем, — флегматично ответил Грог, пожимая руку, протянутую ему его приятелем.

Глава XII

ДОКТОР ШМИДТ

Через день после возвращения Грога из плена дома на Бабблинг Вэлл род, в местной английской газете «Норт Чайна Дэйли Ньюз» появилось маленькое, скромное объявление, которое, конечно, не привлекло ничьего постороннего внимания. Объявление гласило:

— «Согласны встретиться с вами».

И на следующий день в той же газете появилось еще одно скромное объявление:

— «Ждем. Кафе “Голубой Дракон”, Сечуен род, завтра в 8 часов вечера».

Грог торжествующе взглянул на Прайса, отведя взор от газеты:

— Как по расписанию, — произнес он.

Прайс покачал головой, зевая и потягиваясь. Был седьмой час утра. Нетерпение обоих детективов было настолько велико, что они, проведя эту ночь вместе на квартире Прайса, проснулись с зарею и сидели в халатах, ожидая, когда развозчик привезет газету.

Теперь, держа газету перед собой и найдя роковое объявление, они сидели молча, сознавая, что наступает следующий акт происходящей драмы.

Время от семи утра до семи вечера тянулось для них невероятно долго. Они съездили по привычке в главное полицейское управление, донесли, что «пока ничего нового не имеется», позавтракали, а потом устроились у горящего камина с книжками легких романов. Но через каждые полчаса они поднимали глаза на часы на стене и, вздыхая, снова принимались за чтение.

Но вот прошел короткий осенний шанхайский день. Зажглись фонари. На улице дул сердитый тайфунный ветер. Мелкий дождик заливал асфальт мостовой.

Стрелка часов перешла цифру семь, когда детективы, натянув дождевики и заботливо сунув в карманы пистолеты, вышли из дома и отправились пешком, несмотря на дождь, к Сечуен род.

Недалеко от Рэйндж род, известной обилием различных кабачков, трактирчиков и притонов, помещался “Голубой Дракон”.

Это было маленькое, довольно уютное японское кафе, где грациозные японки «мусме-сан»¹, подавая пиво или «скияки», низко приседали перед посетителем, приветливо поблескивая своими лукавыми черными глазками.

На этот раз в кафе-ресторане сидел только один мрачный старый японец, в сером кимоно, над остывшим стаканом чая, задумчиво вычеркивая что-то на листке бумаги, лежащем перед ним.

К вошедшим Прайсу и Грогу мигом подбежала хорошенькая «мусме».

— Добрый день, — приветливо поздоровалась она.

— Добрый день, — равнодушно ответил Грог, быстро ориентируясь в помещении и направляясь к самому дальнему столику в глубине ресторана. Прайс молча следовал за ним.

Заказав пива приседавшей перед ними «мусме», приятели закурили. В ресторане царила тишина. Слышно было, как дождь на улице усилился и шумел, сбегая в водосточные трубы.

Никогда еще в жизни не волновались так приятели-детективы, даже на любовных свиданьях, как на этот раз, поджидая неизвестно кого. Они начинали тонкую и опасную игру. Для них было ясно теперь, что таинственные преступники не постесняются теперь прикончить их обоих, если выяснят их предательство. Их не остановит теперь размер скандала в Шанхае. Детективы знали слишком много. И если они пойдут войной, их нужно будет уничтожить.

¹ Мусме – молодая девушка, прислужница в Японии.

— На войне, как на войне, — пробормотал, отвечая сам на свои мысли, Прайс.

Грог понял, тряхнул головой, снова заказал пива.

Так просидели они с четверть часа, и в их души уже начало закрадываться смутное опасение, что их обманули и никто не собирается прийти на этот раз, как дверь в ресторан неожиданно распахнулась и на пороге появилась небольшая, плотная фигура в мокром дождевике и нахлобученной кепке.

Грог с силой сжал руку Прайса под столом.

Вошедший снял кепку, стряхнул с нее брызги и не торопясь огляделся вокруг. Перед ним уже приседала очередная «мусме», приглашая присесть за столик. Увидев детективов в дальнем углу комнаты, вошедший приветливо помахал рукой и крупными шагами направился прямо к ним.

— Здравствуйте, джентльмены, — спокойно приветствовал он.

Это был невысокий, плотный человек с лысой головой и маленькими, заплывшими глазками, зорко вглядывавшимися из-под припухших век. Говорил он по-английски с большим акцентом, временами останавливаясь, как бы подбирая нужные слова.

Детективы вежливо приподнялись из-за столика. Человек махнул рукой.

— Садитесь, пожалуйста. Пива, мусме-сан, — заказал он подошедшей за ним японке. Затем развязно сел за столик детективов и сейчас же вытащил огромную сигару из кармана. Повозившись с нею и тщательно раскурив ее, человек одобрительно взглянул на своих собеседников.

— Прежде всего, будем знакомы, — начал он. — Моя фамилия Шмидт. Доктор Шмидт. Вы можете не представляться. Я знаю ваши имена. Как вы чувствуете себя, Грог, после того, как вы погостили у наших общих знакомых на Бабблинг Вэлл род? — лукаво спросил он.

— Благодарю вас, — весело ответил Грог. — Я чувствую себя самым превосходным образом. Очевидно, атмосфера в этом доме влияет самым благотельным образом на здо-

ровье.

— Не для всех, господин Грог, не для всех, — немного загадочно и довольно-таки зловеще возразил доктор Шмидт. — Но впрочем, оставим эти разговоры. Перейдем прямо к делу. И вы, и я слишком занятые люди, чтобы зря тратить время по пустякам. Не правда ли?

— Вы совершенно правы, — впервые нарушил тишину до сих пор молчавший Прайс.

Доктор Шмидт зорко взглянул на него.

— Вы мне нравитесь, господин Прайс, — развязно произнес он. — Я рад, что вижу в вас благоразумного человека, сознающего, где находятся его собственные интересы. Итак, я обращаюсь в вам с самым простым и откровенным вопросом. Вы сделали ваше решение?

— По-моему, вы слишком торопитесь, доктор Шмидт, — ответил Прайс, пытливо глядя в лицо собеседника. — Вы слишком упрощаете это дело. В настоящий момент я могу лишь сказать, что я выслушал все, что передал мне Грог и теперь я хотел бы услышать из ваших уст подтверждение всему сказанному, а также более детальное объяснение.

Доктор Шмидт одобрительно кивнул головой.

— Правильно. Деловой человек должен встретить наше предложение именно таким образом. Вы рассудительны и осторожны, господин Прайс. Это делает вам честь...

— Итак, я жду ваших объяснений, — прервал словоохотливого доктора Прайс.

— С удовольствием. Я буду краток. Волею судеб вы узнали слишком много из того, что не предназначается для... широкого круга публики. Я подразумеваю те бумаги, которые остались у вас от миссис Робинзон, а также адрес дома на Бабблинг Вэлл род. Мои друзья решили, что как с вами, так и с вашим приятелем Грогом нужно заключить одно деловое соглашение. Мы готовы поступиться немаленькой суммой денег, чтобы только быть уверенными, что все пройдет гладко. Конечно, мы могли покончить вопрос с вами... более дешевым, но зато более мелодраматическим образом. Второй исход еще вероятен в случае, если вы от-

кажетесь от нашего первого предложения. Но подумайте, как это было бы печально для вас. Молодая, блестящая карьера, прерванная таким трагическим образом. Почетный караул. Оркестр с похоронным маршем. Все это очень печально, не правда ли?..

Доктор Шмидт отпил из бокала пива и даже смахнул рукой невидимую слезинку с правого глаза. Прайс и Грог переглянулись, после чего Прайс снова прервал доктора самым сухим тоном:

— Не увлекайтесь этими мелодраматическими деталями, доктор Шмидт. Мы пришли говорить о деле, о том, что будет, а не о том, что может быть.

Доктор Шмидт потрепал его по плечу.

— Опять-таки, правильно, — воскликнул он. — Я вижу, что мы сговоримся с вами очень скоро. В таком случае, я сразу передам вам наше ясное и простое предложение.

— Говорите.

— Господин Прайс, если вы передадите мне из рук в руки несколько документов, оставленных вами из портфеля миссис Робинзон, и забудете все о ваших следствиях по делу синьора Толедоса и миссис Робинзон, то я передам вам и господину Грогу, также из рук в руки, по двадцать тысяч долларов. Сорок тысяч долларов чистоганом. Никаких чеков или векселей. Что вы скажете по этому поводу?

Доктор уставил на Прайса свой пытливый взор. Прайс пожал плечами.

— Ваше предложение, безусловно, носит очень заманчивый и интересный характер, — медленно произнес он. — Судя по тому, что ни я, ни Грог еще не делали доклада по начальству о наших переживаниях за последние дни, и судя по тому, что мы вступили с вами и переписку при помощи «Норт Чайна Дэйли Ньюз», вы могли уже догадаться, что ваше предложение заинтересовало и в принципе является приемлемым для нас. Но есть еще ряд мелких деталей, ради которых мы и встретились, чтобы выяснить их, прежде, чем сказать наше окончательное «да».

— Разумеется. Вы говорите логично. Я весь к вашим услугам, — любезно поклонился доктор Шмидт.

— Итак, прежде всего, скажите мне: какие именно документы вы хотите получить от меня? — невозмутимо спросил Прайс.

Доктор Шмидт бросил на него быстрый, пытливый взгляд.

— Я уже сказал вам. Документы, которые вы нашли в портфеле миссис Робинзон, — коротко пояснил он.

— Это слишком туманно, — пожал плечами Прайс. — Вы платите сорок тысяч долларов за какие-то документы. Вы должны знать их содержание. Я хочу, чтобы вы перечислили точно, что я должен передать вам.

Наступило легкое молчание. Доктор Шмидт внимательно смотрел на Прайса, как бы стараясь выведать, что кроется за этими простыми словами. Потом он снова отпил из бокала пиво.

— Я не совсем понимаю ваш ход мыслей, — наконец признался он, шевеля толстыми пальцами. — По-моему, это так просто. Передайте то, что вы нашли в портфеле. Но вы хотите устраивать какую-то проверку моей осведомленности в этих бумагах. Имейте в виду, что мы не потерпим вторичного шантажа. Заплатив такую крупную сумму денег, мы ожидаем, что вы вернете все документы. Понимаете — все.

— Назовите эти документы, — твердо произнес Прайс. — Пусть это будет моя блажь, но я хочу услышать от вас точный перечень этих бумаг.

Доктор Шмидт раздраженно повел плечами.

— Хорошо, — сухо произнес он. — Это походит на какой-то экзамен, но я подчиняюсь вашей блажи. Вы должны вернуть нам: во первых — письмо, адресованное миссис Робинзон и подписанное «Андрэ Латур». Письмо говорит о ее малой энергии в смысле проведения заданного урока. Вы понимаете, о чем я говорю?

Прайс ничего не понимал, так как не видел этого письма в глаза, но все же многозначительно кивнул головой.

— Во-вторых, — продолжал доктор Шмидт, — вы должны передать мне «Инструкции низовых работников осведомительно-иностранный отдела» на английском и русском

языках. В-третьих — фотографическую карточку, на которой миссис Робинзон изображена в группе... наших друзей, в саду уже известного вам дома по Бабблинг Вэлл род. В-четвертых — письмо самого синьора Толедоса к «золотой даме». В пятых — текст воззвания к китайским рабочим на английском языке, предназначенного для перевода на китайский. В-шестых — небольшой список неких адресов, которые вам все равно ничего не скажут. И в-седьмых — передайте циркулярное письмо с пометкой «совершенно секретно», адресованное из Москвы на имя Андрэ Латура. Это все, что мы хотим получить от вас взамен сорока тысяч долларов. Как видите, сделка имеет пользу всецело для вас и вашего друга.

Доктор Шмидт замолчал и пытливо уставился на Прайса.

Ни один мускул не дрогнул на лице молодого сыщика, хотя каждое слово доктора Шмидта являлось для него откровением. Тайна Бабблинг Вэлл род была разрешена. Завеса таинственности сорвана. Перед Прайсом и Грогом сидел агент Коминтерна, выполнявшего здесь в Шанхае какие-то серьезные для себя задачи и ради этих задач не стесняющегося убраться с лица земли всех неугодных ему лиц.

В ресторане «Голубой Дракон» наступило длительное молчание. Прайс сидел, опустив голову вниз и как будто находясь под влиянием самых разноречивых дум. Грог курил трубку и на его бесстрастном лице нельзя было прочесть ничего. Лицо было деревянным, спокойным, невозмутимым. Доктор Шмидт вертелся на стуле, пил пиво, закуривал сигарету, сейчас же бросал ее в пепельницу и быстро переводил глазки с опущенной головы Прайса на неподвижную физиономию Грога и обратно. Момент был ответственный и чреватый многими последствиями.

Дождь лил еще сильнее. В дальнем углу японец в сером халате ссорился с кельнершей и быстро говорил ей что-то тонким раздраженным голосом. Мусме-сан почтительно кланялась ему, но в то же время неуклонно подсовывала листок какой-то бумаги перед его носом. Очевидно, ссора шла из-за счета.

Наконец, Прайс медленно поднял голову. На лице его была написана серьезная решимость.

— Хорошо, — произнес он и доктор Шмидт довольно подпрыгнул на своем стуле. — Хорошо. Я согласен на ваше предложение. Я передам вам эти документы и забуду обо всем проклятом деле. А как вы, Грог?

Он перевел глаза на невозмутимого Грога.

— Как вы, Прайс, — сухо ответил тот, не вынимая трубки изо рта. — Я уже дал вам мое слово, что поступлю точно так же, как поступите вы.

— Но, господин доктор, — продолжал дальше Прайс, остановив движением руки хотевшего что-то сказать доктора Шмидта. — Принимая ваше предложение и отказываясь вести это дело, вы сами понимаете, что мы кончаем вашу карьеру в шанхайской муниципальной полиции. Нам нужно будет уехать отсюда и начинать какую-то новую жизнь в другой части света. Поэтому я считаю, что ваши друзья могли бы несколько округлить названную вами цифру, скажем... до пятидесяти тысяч долларов, то есть по двадцать пять тысяч долларов на брата.

Доктор Шмидт шумно вздохнул.

— Я вполне понимаю вашу точку зрения, — весело заявил он, — и я передам о вашем ответе моим друзьям. Я думаю, что мы в конце концов сговоримся к общему удовлетворению. Теперь, последний вопрос: когда мы можем встретиться и закончить нашу сделку? Скажем, завтра. А?

Прайс равнодушно мотнул головой.

— Как хотите. Можно завтра.

— Скажем, здесь, в «Голубом Драконе». Завтра, в это же время, — продолжал уговариваться доктор Шмидт.

— Завтра, здесь, в это же время, — эхом подтвердил Прайс.

Доктор Шмидт поднялся с места.

— Благодарю вас, джентльмены, — произнес он, протягивая руку Прайсу. — Я так и знал, что вы будете благодарны. Завтра в восемь часов вечера я буду здесь с деньгами и ожидаю, что вы принесете все перечисленные мною документы. Дело будет сделано.

Прайс, преодолев чувство отвращения, пожал пухлую ручку доктора. Грог деревянно кивнул головой, не выказав никакого желания протягивать руку. Доктор Шмидт окинул их последним пытливым взглядом и засеменял к выходу, нахлобучивая шляпу и поднимая воротник дождевика. Б дверях он столкнулся со старым японцем, также выходящим из ресторана, закончив свою ссору с кельнершей. Они оба скрылись на улице и дверь гулко хлопнула им вслед.

Прайс поднял глаза на Грога. Тот продолжал курить с самым невозмутимым видом.

— Чертовская погода, не так ли? — заметил он, увидев устремленный на него взгляд Прайса.

— Отвратительная, — согласился тот.

— Нет лучше места, чем дом, родимый дом, — добавил Грог.

Прайс улыбнулся, вставая с места.

— Я понял ваш толстый намек, дружище. Действительно, меня тянет посидеть у моего камина. А вы?

— Я уже сказал вам, — сентенциозно ответил Грог, поднимаясь из-за стола, — что я всегда как вы. Куда вы — туда и я.

Они расплатились и вышли на улицу.

Глава XIII

ДОКУМЕНТЫ МИССИС РОБИНЗОН

Выйдя под проливной дождь, на пустую и затихшую Сечуен род, детективы прошли до ближайшего гаража и, взяв такси, направились в дом Прайса. За всю дорогу они не проронили ни одного слова и только, явившись домой, и расположившись комфортабельно у приветливо горящего камина, с чувством глубокого одобрения глядя на бокал виски-сода перед собой, Прайс усмехнулся и задал первый вопрос:

— Итак, дружище Грог, как вам все это нравится?

Грог вытряхнул пепел из трубки и на тонких губах его появилось некоторое подобие улыбки.

— Как будто все идет так, как полагается, — меланхолично произнес он.

— Я поражен, Грог, — воскликнул Прайс, вскакивая с места и начиная гулять по комнате, что всегда служило верным признаком его большого возбуждения. — Вся мрачная тайна, разгадать которую, казалось, не было никакой возможности, вдруг раскрывается перед нами, как рацветший цветок. Мало того, мы имеем возможность наложить руки на всю эту полупочтенную шайку.

— Вы слишком оптимистично настроены, Прайс, — вздохнул Грог. — Правда, мы можем забрать этого неудачного доктора Шмидта, но дело не в нем.

— А в ком же?

— В том третьем лице, которое я не видел, но которое имело сухой властный голос и распоряжалось как доктором Шмидтом, так и прекрасной португалкой. Он здесь хозяин, а они его исполнители. Если мы сможем наложить лапы на этого фрукта, то мы можем считать нашу задачу выполненной блестяще во всех отношениях. А до тех пор, нам нужно поберечь наши собственные головы.

— Вы, конечно, правы, — нетерпеливо согласился Прайс. — Но все же, тайна раскрыта. Причина смерти Толедоса и «золотой дамы» ясна. Объясните вот мне, как мы можем расположить известный нам материал?

Грот лениво пожал плечами.

— Теперь дело не требует уже усиленной головоломки, — нехотя произнес он. — Все ясно, как апельсин. Многоуважаемый синьор Толедос не кто иной, как вольный или невольный агент «наших друзей». В своей работе он каким-то образом «проштрафился», а так как он знал очень много, то «власть имущие» решили просто убрать его с дороги. Я думаю, между прочим, что сам акт расправы над несчастным испанцем принадлежит тому прекрасному русскому парню, о котором я говорил вам, как о моем страже на Баб-блинг Вэлл род. Он страшно силен физически и в его руках синьор Толедос, разумеется, был как малый ребенок. Прекрасная португалка была в качестве благосклонной зрительницы всего происходящего для доклада по начальству.

Прайс задумчиво кивнул головой.

— Это похоже на правду. А как вы связываете судьбу «золотой дамы» со всей этой историей?

— Тоже очень просто и ясно, как все в этом лучшем из миров, — пожал плечами Грот. — Будучи импульсивной особой, она влюбилась в синьора Толедоса. У них была связь. Эта связь невольно столкнула ее с «нашими друзьями» и запутала ее отношения. Она была привязана к своему, может быть, мимолетному увлечению. Она также стала знать слишком много. И когда наши друзья заподозрили, что ее слабые женские нервы могут не выдержать и выдать всю компанию в руки полиции, ее придушили.

— И это тоже верно, — кивнул головой Прайс. — Но, говоря о «золотой даме», мы можем теперь поговорить о самом слабом звене в нашей цепи. Где находятся те документы, о которых говорил и по поводу которых торговался с нами доктор Шмидт и где, черт побери, мы можем найти их? Я обыскал вещи миссис Робинзон самым тщательным образом дважды. Мне кажется, что я нашел там все, что

только можно было найти. А теперь, оказывается, я пропустил самые важные улики, о которых бы не подозревал совершенно, если бы счастливый случай не помог мне разыграть этот блеф с черным портфелем.

Грог равнодушно покачал головой.

— Это значит лишь, что вы не искали их там, где нужно, — заметил он.

— Очевидно, так, — слегка саркастически согласился Прайс. — Тем не менее, это открытие не упрощает дела. Я вижу, что завтра мне придется еще поговорить с этой стороной вопроса. А сейчас...

Внизу послышался короткий звонок, прервавший разглаговольствования Прайса.

Грог немного оживился.

— А вот и Мацумуро-сан, — негромко произнес он.

Приятели, затаив дыхание, прислушались. Они слышали, как Ли Фу, шаркая туфлями, подошел к выходной двери. Послышался краткий вопрос, после которого дверь была открыта. По коридору послышались чьи-то осторожные шаги.

— Да, это он, — кивнул головой Прайс.

В дверь вежливо постучали.

— Войдите, Мацумуро-сан, — громко произнес Прайс.

Дверь открылась и в комнату скользнул маленький японец в европейском платье и дождевике, также промокшим от дождя. Японец почтительно поклонился детективам.

— Добрый вечер, дзентльмены, — сюсюкая, произнес он.

— Очень рад видеть вас так скоро, Мацумуро-сан, — оживленно произнес Прайс. — Садитесь к огню, налейте себе виски-сода и рассказывайте, что вы узнали.

Японец охотно последовал приглашению. Грея тонкие, сухие руки у огня камина, он немедленно начал свой доклад.

— Когда доктор Смиidt высел из «Голубого Дракона», я высел вместе с ним, как вы видели сами. Он досел до первого угла, где его здал автомобиль. Кто то сидевсый в автомобиле негромко окликнул его:

— Это вы, доктор?

— Я, — ответил он веселым голосом. — Все в порядке.

И он полез в раскрывшуюся перед ним дверцу автомобиля. Я завернул за угол и сел там в подзидавший меня автомобиль. Мы быстро догнали автомобиль с доктором и не выпускали его больше из вида, несмотря на дождь и грязь на улице. И сто же вы думаете? Автомобиль направился прямехонько к зданию консульства «некой державы», как сообщают в официальных известиях.

Мацумуро-сан вежливо засмеялся и сейчас же добавил:

— Там автомобиль остановился. Доктор и еще кто-то высокий и широкоплечий вылезли из автомобиля и вошли в подъезд. Мой автомобиль проехал мимо и помчался дальше. Я проехал до своей квартиры, отпустил автомобиль, вошел в свою комнату, снял с себя мой халат, переделся в европейское платье и вышел черным ходом обратно. Если да же за мной была слезка, я думаю, что я сумел спутать следы. К вам я приехал на велосипеде. Это все, что я могу сообщить.

Японец замолчал и потянулся к графину с виски, как бы считая, что теперь он вполне заслужил бокал напитка.

Прайс и Грог снова обменялись взглядами.

— Дело становится все яснее и яснее, — наконец промолвил Прайс. — Я думаю, что теперь нам не над чем ломать голову. Скажите, сколько сейчас времени?

— Половина одиннадцатого, — ответил Грог, взглядывая на свой золотой хронометр.

— Я думаю, что почтенный полковник Гойер еще не спит, — решительно заявил Прайс, поднимаясь на ноги. — Во всяком случае, даже если он спит, мои известия стоят нарушенного сна. Я думаю, что лучше всего сделать доклад сейчас и именно по телефону. За нами, конечно, следят, и наша поездка в полицейское управление будет означать провал всего дела. Осторожность прежде всего..

Грог одобрительно кивнул головой.

Прайс подошел к письменному столу и через две минуты соединился с полковником Гойером. Последний, к счастью, еще не спал и очень обрадовался, услышав в трубке голос Прайса.

— Наконец-то, — радостно забасил его голос в телефоне. — Наконец-то вы обращаетесь ко мне. Я стал уже волноваться за последние недели. Вы и Грог молчали, как убитые, а Грог даже пропал куда-то на несколько дней. Как его здоровье?

— Все в порядке, — успокоил полковника Прайс. — А теперь разрешите сделать вам доклад о том, что найдено нами с Гротом по делу Толедоса и Робинзон.

— Я весь внимание, — отозвался полковник Гойер.

Краткими, сжатыми, ясными фразами Прайс подробно передал все приключения свои и Грога за последние дни, вплоть до сегодняшнего свидания в «Голубом Драконе».

— Итак, — закончил он свой доклад, — несомненно, что в этом деле замешаны интересы «некой державы», как тактично заметил наш милейший Мацумуро-сан. Я не удивляюсь, что доктор Шмидт работает в консульстве этой державы.

— Это так и есть, — после секундного молчания ответил Гойер. — Я сам видел его там на одном из приемов. По штату он числится мелким служащим консульства.

— Обладает ли он правами экстерриториальности, как служащий консульства? — озабоченно спросил Прайс.

— Нет, — твердо ответил Гойер. — В случае необходимости, достаточно простого приказа об аресте от нас.

— В таком случае, господин полковник, — заявил Прайс, — я хочу, чтобы вы достали этот приказ к завтрашнему дню, к 8 часам вечера. Тянуть дальше комедию уже не имеет смысла. Я арестую завтра доктора Шмидта, когда он вручит нам пятьдесят тысяч долларов. На первое время ему можно предъявить обвинение в попытке подкупить чинов полиции при исполнении ими своих служебных обязанностей. А там видно будет.

— Я так и сделаю, — согласился Гойер. — Приказ будет послан вам завтра с посыльным. Вы правы, вам лучше всего не заходить завтра в полицию. Несомненно, за вами следят. К восьми часам вечера наряд полиции будет дежурить недалеко от «Голубого Дракона». Ваш свисток приведет их к месту ареста. Я не буду говорить много сейчас по телефо-

ну, Прайс, но я не могу не заметить, что вы и Грог идеально справились с возложенным на вас поручением. Я доволен вами обоими.

— Благодарю вас, — весело заметил Прайс.

Трубка звякнула. Полковник Гойер дал отбой.

— А теперь, со спокойной душой и чистой совестью, мы можем лечь на боковую, — решил Грог, поднимаясь с кресла и устало потягиваясь. — Нам нужно сберечь наши силы на завтрашний день.

— Вы правы, как всегда, — резюмировал Прайс.

На следующее утро, серенькое, холодное, снова грозящее проливным дождем, Прайс и Грог занялись чисткой своих револьверов. После завтрака полицейский рассыльный привез им большой пакет с надписью: «Секретно. В собственные руки». В пакете лежал приказ, подписанный начальником полиции, об аресте доктора Шмидта — переводчика при посольстве «некой державы».

День тянулся еще более мучительно и медленно, чем вчерашний. Прайс и Грог провели почти весь день у камин, разбирая детально все дело и стараясь восстановить стройную картину обоих преступлений. Впрочем, восстанавливать было нечего. В обоих убийствах сами факты убийств не были загадочны. Они были просты и ужасны по своей простоте. Что же касается мотивов, то эти мотивы разгадать было невозможно полностью, поскольку они являлись отражением какой-то сложной политической игры.

В половине восьмого вечера Ли Фу вызвал такси и детективы направились прямо в «Голубой Дракон».

Перед отъездом Прайс захватил с собой толстый конверт, в который было положено несколько листов чистой писчей бумаги.

— Вторично я ловлю их на такую штуку, — мрачно усмехнулся он, показывая фальшивый конверт Грогу.

Тот, ухмыляясь, пожал плечами.

— На всякого мудреца довольно простоты, — сентенциозно заметил он.

В ресторане «Голубой Дракон», ввиду холодного и неудобного вечера, посетителей на этот раз не было совершенно.

Прятели приветливо кивнули улыбавшейся им, как старым знакомым, мусме-сан и заказали пиво. Затем сосредоточенно стали ждать развития событий.

Ждать им на этот раз пришлось очень долго. В четверть девятого они все еще сидели одни в ресторане с бьющимися сердцами, не столько от волнения, сколько от беспокойства, что неприятель разнюхал их планы и доктор Шмидт не придет на свиданье. А от его прихода зависела и вся работа. Без него дело мгновенно теряло всякую ценность. У них не было на руках никаких улик. Дом на Бабблинг Вэлл род, несомненно, уже опустел и узнать что-либо в нем было бы невозможно. И все следы преступников были бы потеряны раз и навсегда.

Но, как всегда бывает, чрезмерная осторожность приводит к гибели. Так и на этот раз стремление преступников обезопасить себя всецело на сто процентов привело их к ложному, роковому шагу.

В половине девятого дверь в ресторан «Голубой Дракон» шумно отворилась и на пороге появилась маленькая знакомая фигура доктора Шмидта.

Прайс приветливо помахал ему рукой, улыбаясь самым добродушнейшим образом. Грог также мотнул головой, сохраняя свою обычную невозмутимость.

— Добрый вечер, джентльмены, — торжественно произнес он.

Его маленькие пытливые глазки быстро перебежали с одного лица на другое. Очевидно, не заметив в их лицах ничего тревожного и подозрительного, доктор поспешно уселся за их столик и зябко потер руки.

— Мерзкая погода, не правда ли? — светским тоном начал он. — Мусме-сан, — крикнул он японке. — стакан горячего чая с ромом.

Детективы сидели молча, глядя, как доктор, торопливо расстегивая свой дождевик, усаживался удобнее на стуле, затем принялся размешивать чай и пробовать его на вкус.

Выпив полстакана, он, наконец, принял деловое выражение лица и так же торопливо повернулся к Прайсу.

— Ну? — полувопросительно, полуутвердительно произнес он.

Прайс кивнул головой.

— Все в порядке, господин доктор, — лаконично ответил он.

— Вы принесли бумаги? — спросил доктор.

— А вы принесли деньги? — вопросом на вопрос ответил Прайс.

Доктор заулыбался, полез во внутренний карман пиджака и, порывшись немного, вытащил два конверта довольно толстых объемов.

— Два конверта по двадцать пять тысяч долларов, — довольно произнес он. — По одному конверту на каждого из вас.

Он приоткрыл один из конвертов и на Прайса выглянули кредитные билеты крупных достоинств.

— Мы ведем дело на наличные, — продолжал шутить доктор, очевидно, будучи настолько уверен в себе, что не допускал и мысли о возможности предательства.

— Теперь покажите мне ваши бумаги, — продолжал болтать он, — и мы закончим наше дело к общему удовлетворению.

Прайс медленными движениями вынул свой толстый пакет из кармана.

— Вот они, — сухо произнес он, бросая пакет на стол.

Жадными и торопливыми пальцами доктор Шмидт схватил пакет и вытащил оттуда содержимое.

Когда глаза его увидели перед собой сверток абсолютно чистой писчей бумаги, доктор Шмидт буквально застыл на месте, не сводя взора с этой бумаги. Жирное лицо его постепенно начало терять краску, бледнеть. Глаза его потеряли свой веселый блеск и, казалось, потухли. Лицо осунулось. Он медленно, с большим трудом поднял взор от бумаги на своих собеседников и невольно вздрогнул. Два браунинга, блестя синей сталью, смотрели на него в упор через стол.

— Игра кончена, — сухо произнес Прайс, зорко следя за каждым движением доктора и чувствуя себя профессио-

нально спокойным. — Я арестовываю вас, доктор Шмидт.

— Что? — слабо переспросил доктор, как бы не веря своим ушам.

— Я арестовываю вас, доктор Шмидт, — повторил Прайс. — И мой долг сказать вам, что все, что вы скажете теперь, может быть и будет использовано в качестве свидетельских показаний против вас.

Доктор Шмидт продолжал беспомощно переводить глаза с мрачно торжествующего Прайса на невозмутимо-скупающую физиономию Грога и обратно.

— Значит, вы... предали меня, — медленно произнес он.

Позади них послышался придавленный изумленный крик мусме-сан. В дальнем углу зашевелился бармен, старый подслеповатый японец.

Прайс повернулся в полуоборот к Грогу, не спуская взгляда с доктора.

— Я буду очень признателен, дружище, если ты дашь свисток, — предложил он.

Грог немедленно спрятал револьвер в карман, поднялся из за стола и, быстро шагая своими длинными, худыми ногами, направился к выходу.

Через минуту с улицы послышался резкий полицейский свисток.

— Итак, вы предали меня, — медленно повторил доктор Шмидт уже более спокойным и рассудительным тоном.

С огромной ненавистью в глазах он взглянул на Прайса и рука его невольно попыталась опуститься вниз, к карману.

— Никаких обезьяньих штучек, доктор, — строго остановил его Прайс. — Одно ваше неудачное движение и я стреляю. Я не прочь отомстить за удар мне по голове.

Доктор Шмидт передумал и снова положил руку на стол. Бледное лицо его было искажено от гнева и страха.

— Дурак, — прошипел он, не сводя взора с Прайса. — Дурак. Что вы выиграли от вашего идиотского поступка? Вы получали деньги и свободу. Теперь вас ожидает смерть.

Он хотел добавить что-то еще, но спохватился, махнул рукой и погрузился в мрачную и глубокую задумчивость.

С улицы донесся рев сирены, шум мотора и лязганье тормозов. Дверь в ресторан снова отворилась и вместе с Грогом в помещение ввалилось не менее десяти человек полисменов с револьверами в руках. Доктор Шмидт усмехнулся язвительной усмешкой.

— Облава на медведя, — саркастически пробормотал он.

Прайс положил руку ему на плечо. Столик был окружен полисменами, с любопытством смотревшими на маленького доктора. Среди толпы этих шестифутовых гигантов, он казался несчастным заблудившимся мальчиком с пальчик.

— Идемте, господин доктор, — вежливо пригласил его Прайс.

Доктор Шмидт еще раз посмотрел на него долгим мрачным взглядом и медленными шагами, в окружении синих мундиров, вышел из «Голубого Дракона».

Глава XIV

ХОД КОНЕМ

На следующее утро весь иностранный и китайский Шанхай был взбудоражен новыми сенсационными известиями, поданными публике под жирными заголовками газет. Долготерпеливые репортеры, не получавшие никаких вестей о ходе дела синьора Толедоса и «золотой дамы», получили теперь столько сногшибательных сенсаций, что в их запасе не хватало восклицательных знаков. Во всех газетах красовались портреты доктора Шмидта, Прайса, Грога, миссис Робинзон и синьора Толедоса. Политический оттенок этих преступлений взбудоражил умы обывателей. Прайс и Грог стали героями дня. Полковник Гойер обещал им повышение по службе и даже денежную награду. Знакомые ахали и наперерыв звали обедать. Барышни и дамы делали при их появлении томные глаза.

Но Прайс и Грог не были довольны.

Главная дичь сумела ускользнуть из сети.

Отвезя доктора Шмидта в главное полицейское управление и удостоверившись, что он сидит за крепким замком, Прайс, Грог и дежурный наряд полиции помчались на автомобилях на Бабблинг Вэлл род, в таинственный дом, где Грог пробыл невольным гостем около суток.

Как они опасались, дом стоял уже темный и пустой.

Разбив замок у калитки и открыв дверь в дом при помощи отмычки, Прайс и Грог, с револьверами в руках, ворвались в дом. Скоро во всех комнатах загорелись огни. Детективы переходили из комнаты в комнату, выискивая что-либо достойное внимания. Но все было тщетно. Дом стоял необитаем и уныл, как будто в нем уже несколько лет не было ни одной живой души.

Только в гостиной второго этажа непрошенные посетители нашли непотухший еще камин с массой нагоревшей золы. С первого взгляда Прайс верно оценил положение.

— Здесь жгли какие-то бумаги и, несомненно, интересные для нас, — мрачно указал он на камин Грогу.

Тот флегматично покачал в знак согласия головой.

Обыск дома не дал никаких следов. Но удача сегодня, видно, не совсем покидала детективов.

Они выходили уже из дома, утомленные долгим бесцельный обыском, как вдруг в кустах, у крыльца, Грог заметил какую-то скомканную бумагу. Он быстро поднял ее, разглядел на руке, а потом молча протянул остановившемуся Прайсу. Скомканная бумага являлась не чем иным, как рекламным проспектом американского пароходства «Императрица»¹, крейсирующих по всему свету.

Одна и та же мысль вспыхнула в головах детективов.

— Кто-то решил предпринять путешествие на «Императрице Канады», — быстро заметил Прайс. — Я знаю, что она должна была отойти сегодня же вечером. Но неужели они знали, что им придется бежать и они запаслись билетами заранее?

— Завтра узнаем, — спокойно ответил Грог.

На другой день в конторе пароходства они узнали, что два места были резервированы до Гонконга на «Императрице Канады» еще два дня тому назад.

— Один в дамской каюте и другой в мужской, — любезно сообщил управляющий пароходством.

— На чье имя записаны эти места? — нетерпеливо спросил Прайс.

— Одну минуту.

Управляющий порывлся в лежавших перед ним бумагах и сейчас же сообщил:

— Дамское место оставлено за португальской подданной госпожой Перейро. Мужской оставлен за английским подданным господином Уоллесом.

— Благодарю вас, — вскочил на ноги Прайс, хватаясь за шляпу.

¹ На самом деле многочисленные курсировавшие в регионе суда, в названии которых входило слово «императрица», принадлежали Канадской Тихоокеанской пароходной компании.

Через час, после совещания с полковником Гойером и телефонными звонками в португальское и английское консульства, Прайс отправлял следующую телеграмму гонконгской полиции:

— «Задержите на “Императрице Канады” мадам Перейро и мистера Уоллеса. Завтра выезжаю сам. По инструкциям властей. Детектив Прайс».

На другое утро Прайс и Грог прежде всего присутствовали в суде, где начался процесс доктора Шмидта. Заседание суда вышло неинтересным. Доктор Шмидт отрицал, что он предлагал взятки чинам полиции. После опроса Прайса и Грога, судья перенес слушанье дела на будущую неделю. Адвокат доктора Шмидта, известный в городе защитник по делам подданных «известной» державы, внес просьбу о передаче его подзащитного на поруки.

Прайс помрачнел, услышав это заявление.

— Неужели его выпустят на поруки? — раздражительно пробормотал он Грогу. — Ведь это будет огромной глупостью. Разве можно пускать медведя в лес?

Грог юмористически вздохнул и поднял глаза к небу.

— Высшая политика, — равнодушно ответил он. — Высшие соображения. У меня есть предчувствие, что мы не увидим конца этого интересного процесса.

— У меня тоже, — мрачно сознался Прайс.

Суд удовлетворил просьбу адвоката и выпустил доктора Шмидта под залог в десять тысяч долларов. Выходя из зала суда, Прайс чувствовал на себе злобно-торжествующий взгляд доктора Шмидта.

Вечером того же дня Прайс и Грог, вооруженные приказами об арестах Перейро и Уоллеса с печатями английского и португальского консульств, уже сидели в баре парохода «Шенан», направлявшегося ночью в Гонконг.

Новые неожиданности, впрочем, до некоторой степени предчувствовавшиеся детективами, ожидали Прайса и Грога.

На третий день их пути, почти у самого Гонконга, вечером в баре они услышали следующую последнюю новость из Шанхая, переданную по радио:

— Арестованный по делу убийства синьора Толедоса и миссис Робинзон доктор Иоганн Шмидт, выпущенный на поруки под залог десяти тысяч долларов, вчера скрылся из Шанхая. Полиция принимает меры к его розыску, но по всем данным, обвиняемый успел скрыться из города.

Грог рассмеялся чистосердечно и громко.

— Разве можно было ожидать что-либо иное? — успокоительно заметил он разозленному Прайсу.

Тот хотел было выругаться в ответ, но потом передумал.

— Конечно, — более спокойный тоном согласился он. — Впрочем, дело не в нем. Это дичь второго сорта в нашей охоте. Посмотрим, что представляет собой эта пара, за которой мы едем в Гонконг. Может быть, и здесь мы идем по ложному следу. Если да, то всем нам придется умыть руки в этой истории.

— И это будет самое мудрое для наших скромных шанхайских властей, — серьезно отозвался Грог.

Вечером того же дня Прайс получил на пароходе радиogramму от гонконгской полиции:

— «Перейра и Уоллес задержаны под домашним арестом до вашего прибытия».

Прайс повеселел, прочитав эту радиogramму.

— На этот раз судьба снова, как будто, улыбается нам, — заявил он приятелю, показывая полученную радиogramму.

Грог скептически пожал плечами.

— Боюсь, — равнодушно произнес он, — что смерти Толедоса и миссис Робинзон останутся неотомщенными.

На другой день «Шенан» пришвартовался в гавани Гонконга. Детективов уже ждали на пристани представители гонконгской полиции. Капитан Кларк — представитель «Интеллидженс Сервис» — высокий мужчина с открытым, приятным лицом. Детектив политического отдела Симп-

сон — огромный детина с красным лицом и громким раскатистым хохотом. И инспектор Спатс от наружной полиции — сухой, застегнутый на все пуговицы, молчаливый человек, немного похожий на Грога. Прибывшие обменялись крепкими рукопожатиями со встречавшими их, после чего вся компания проехала в отель, где для Прайса и Грога была заготовлена комната.

— Когда вы, джентльмены, отдохнете и оправитесь с дороги, я буду очень рад сопровождать вас к задержанным, — любезно произнес инспектор Спатс.

Приятели не заставили себя долго ждать. Они приняли ванну, позавтракали и вместе с инспектором Спатсом проехали в главное полицейское управление.

Там их встретил начальник гонконгской полиции майор Томсон.

— Я не знаю, господа, насколько сильны ваши причины для задержания этой пары, — начал он, обменявшись сначала шаблонными фразами о здоровье и о погоде, — но, во всяком случае, они произвели здесь достаточно много шума при их задержании. Мадам Перейро грозила обратиться с жалобой через португальского посланника в Китае непосредственно в совет министров. И только когда она узнала, что ее задержание произведено с ведома португальского посланника, она успокоилась.

— А этот Уоллес? — любопытствовал Грог.

— Он принял неприятное для него известие более спокойно. Он почти не разговаривал с нами, — пояснил майор Томсон. — А теперь, джентльмены, — добавил он, глядя на двух приятелей, — вы, конечно, хотите посмотреть на вашу дичь?

— Мы сгораем от нетерпения, — заверил его Прайс.

Майор Томсон провел их по широкому, просторному коридору, затем поднялся с ними на шестой этаж и, наконец, остановился перед одной дверью.

— Здесь находится г-жа Перейро, — слегка пониженным тоном пояснил он.

Он вытащил ключ из кармана, щелкнул замком и Прайс с Грогом вошли в комнату.

Это было большое, светлое помещение, обставленное просто, но в достаточной степени комфортабельно. Большая софа, легкая плетеная мебель. Большой круглый стол посередине. В глубине комнаты, у окна, выходящего в гавань, сидела молодая женщина. При звуке открытой двери она медленно поднялась на ноги и повернулась к вошедшим.

Прайс невольно вздрогнул. Перед ним стояла красивая женщина с оливковой кожей лица, с большими темными глазами и красивыми темными волосами, уложенными в обычную для португалок прическу «бандо». Сдвинув тонкие брови, женщина неподвижно смотрела на вошедших. Прайс молчал, не зная, с чего начать разговор. Тишину нарушил приветливо усмехнувшийся Грог.

— Вы не забыли меня, миссис Перейро? — вежливо спросил он.

В темных глазах госпожи Перейро вспыхнул зловещий огонек. Но силой воли она сдержала себя.

— Я не имею чести знать вас, — холодно ответила она.

Грог юмористически поднял вверх брови.

— Неужели я произвел на вас так мало впечатления, что вы так скоро забыли меня? — фальшиво удивился он. — Как жаль, как жаль! А вы оставили самое глубокое и незабываемое впечатление о себе в моей памяти.

Госпожа Перейро не сводила с него своего загадочного взора, продолжая хранить глубокое молчание.

— Разрешите задать вам несколько вопросов, — вмешался Прайс, не желая терять даром времени.

— Пожалуйста, — величественно уронила молодая женщина.

— Для того, чтобы мне и вам не терять напрасно времени, — продолжал Прайс самым деловым тоном, — я задам вам основной вопрос: желаете ли вы отвечать на мои вопросы или же вы предпочитаете играть в прятки? В последней случае, нам не о чем разговаривать.

Госпожа Перейро согласно кивнула головой.

— Я не знаю, о чем вы будете спрашивать, — наконец произнесла она ровным голосом. — Я знаю лишь то, что

меня лишили свободы самым возмутительным образом, в то время, как я не чувствую никакой вины перед властями. Это возмутительное самоуправство.

— Итак, вы настаиваете, что вас задержали совершенно беспричинно ?

— Да.

— И вы ничего не знаете о таких вещах, как, например, об убийстве синьора Толедоса, об удушении миссис Робинзон, о нападении на меня, о заключении моего приятеля Грога в вашем доме на Бабблинг Вэлл род? — продолжал спрашивать Прайс.

Чуть заметная усмешка тронула губы госпожи Перейро.

— О смерти синьора Толедоса и госпожи Робинзон я знаю то, что сообщали газеты, — готовно ответила она. — Что касается нападения на вас и на мистера Грога, то... я не могу быть ответственной за все ваши похождения.

Прайс досадливо махнул рукой. Еще несколько вопросов выяснили для него с совершенно ясной очевидностью, что госпожа Перейро заняла позицию полного отпирательства. Продолжать допрос было бессмысленно.

— Хорошо, — произнес он, вставая. — Если вы не хотите говорить, нам не о чем разговаривать. Но ваше молчание не спасает вас. Пока что вам предъявляется обвинение в участии в убийстве синьора Толедоса, на основании вашего образа, застывшего в глазах убитого, — а также в нападении на Грога, что подтверждается его свидетельскими показаниями и частично показаниями постового-индуса на Нанкин род. Теперь мы осмотрим ваши вещи и допросим вашего приятеля. Может быть, это принесет более благоприятные результаты.

— Ваше дело, — сухо ответила молодая женщина, поворачиваясь к детективам спиной.

Приятель вышел в коридор, где к ним быстро подошел майор Томсон.

— Пока вы разговаривали с нашей очаровательной пленницей, — быстро сообщил он, — я получил новую радиogramму от шанхайской муниципальной полиции. Вот она.

Он протянул лист бумаги Прайсу. Последний прочел следующее:

После наведения справок, местное английское консульство довело до нашего сведения, что английский подданный Ричард Уоллес, 43 лет, с приметами, указанными вами, не зарегистрирован в консульстве и, таким образом, не может пользоваться защитой английских консульских властей, как непризнанный английский подданный,

— Ого! — присвистнул Прайс. — Это нам еще более развязывает руки и заставляет меньше церемониться. Разрешите пройти теперь к этому непризанному мистеру Уоллесу.

Майор Томсон провел детективов в другую комнату в верхнем этаже. У дверей этой комнаты стоял дежурный полисмен-китаец, вытянувшийся при появлении майора Томсона. Последний отдал краткое распоряжение, полисмен повозился с ключом и дверь в комнату распахнулась. Приятели вошли в нее.

Эта комната была приблизительно обставлена так же, как комната госпожи Перейро. В глубоком кресле у стола садел высокий, грузный человек с седеющей шевелюрой и серыми глазами навывкате. Он не шевельнулся при появлении в комнате детективов, продолжая смотреть на них с видом полнейшего спокойствия.

— Господин Уоллес? — без церемоний приступил к допросу Прайс.

Незнакомец наклонил голову.

— Ричард Уоллес? — повторил Прайс.

Тот снова кивнул головой.

— Ричард Уоллес, мы только что получили телеграмму, что, во-первых, вы не английский подданный, а во-вторых, не Ричард Уоллес, — резко заявил Прайс.

Незнакомец пожал плечами.

— Может быть, — ответил он.

— Может быть, вы скажете нам свое настоящее имя? — в упор спросил Прайс.

— Не имею ни малейшего желания облегчать вашу работу, — медленно ответил незнакомец.

Грог нагнулся к уху Прайса.

— Я узнал его, — шепнул он.

— То есть? — не понял Прайс.

— Я узнал его голос. Это один из трех, навестивших вас, а потом захвативших меня. Я слышал его голос, когда он говорил о необходимости выждать инструкций из Москвы.

Прайс сел на стул напротив незнакомца.

— Как же вы разрешите обращаться к вам? — снова спросил он.

— Вы можете звать меня мистер Немо. По-латыни это будет «никто», — ответил тот.

— Хорошо, господин Немо, — продолжал Прайс. — А теперь, может быть, вы скажете нам, в чем состояли ваши последние инструкции из Москвы?

Удар был силен и неожидан. Лицо Немо вздрогнуло, а губы нервно сдвинулись. Но в следующий момент он снова овладел собой.

— Я предоставляю вам выяснить и это обстоятельство, — с легкой усмешкой произнес он.

— Мы так и сделаем, — сердито заявил Прайс.

Господин Немо задумчиво устремил на него свои большие серые глаза.

— Вы пошли неправильным путем, господин Прайс, — медленно произнес он, подчеркивая свое каждое слово. — Вам давался в руки большой шанс. Вы могли получить на руки приличную сумму денег, стать свободным и независимым. Сознаюсь, что я переоценил ваши умственные способности, когда направил к вам нашего общего приятеля...

— Доктора Шмидта, — поставил точку над «и» молодой детектив.

— Не нужно имен, — слегка поморщился Немо. — Откуда вы знаете, что его имя именно таково? Не знаю этого и я. Но вы отвлекли меня. Скажу откровенно, вы мне нравились, Прайс, своей энергией, молодостью и упорством. Нравился и ваш приятель, хладнокровный мистер Грог.

Грог молча поклонился, благодаря за комплимент, но Немо не обратил на него ни малейшего внимания.

— И мне было жаль, — невозмутимо продолжал он, — что вы встретили на пути такую силу, которую вам никогда не побороть со всеми ресурсами вашей шанхайской полиции. Смерти синьора Толедоса и миссис Робинзон были досадными мелкими явлениями на общем фоне величественной картины нашей работы в Китае.

— Чьей работы? — быстро переспросил Прайс.

— Это вас не касается, — строго ответил Немо. — Я хочу только повторить вам, что вы никогда не обнаружите убийц синьора Толедоса и миссис Робинзон. Корни этих «преступлений» нужно искать очень далеко от Москвы. Что касается миссис Робинзон, то ее смерть вообще несчастная случайность. Никто не желал ее смерти. Но исполнитель некоего поручения... слишком вошел в свою роль. Вот и все. Могу еще добавить, что ее смерть спасла мистера Робинзона от очень многих и более печальных для него разоблачений.

— Вы хотите сказать, что миссис Робинзон была любовницей Толедоса? — задал вопрос Прайс.

Немо пожал плечами.

— Может быть. Помните, что я ничего не утверждаю и ничего не показываю на вашем официальном допросе. Я только высказываю предположения, которые волен строить всякий и каждый, — многозначительно подчеркнул Немо.

— Хорошо, расскажите нам ваши предположения, — согласился Прайс.

— Я делаю это для того, чтобы избавить вас от лишней суеты и хлопот по сбору так называемых вещественных доказательств, — пояснил Немо. — Поверьте мне, что ни я, ни миссис Перейро не будем фигурировать на скамье подсудимых в качестве обвиняемых по этому делу. У вас нет и не будет улики. Если даже мне придется предстать перед вашим судом, я докажу свое алиби дюжиной свидетелей. То же самое сделает и миссис Перейро. Таким образом, все ваши нити останутся нераспутанными. Но для вашего душевного спокойствия, я готов высказать вам ряд предпо-

ложений, каким образом погибли тот и другая.

— Я вас слушаю, — покорно произнес Прайс, невольно подчиняясь странной энергии и самоуверенной наглости этого непонятного человека.

— Эдит Робинзон совершила, по-моему, первую ошибку, связав свою судьбу с Толедосом, — начал Немо. — Правда, она не знала, что за его спиной стоит большая сила, в руках которой он сам является жалкой игрушкой. Могу сказать, что, пожалуй, сам синьор Толедос тяготился своим подчиненным положением. Но он ничего не мог сделать. Его жизнь, честь и положение в обществе зависели не от него. Лет пять-шесть тому назад он нечаянно попал в неприятную беду. Знаете, как это часто бывает с молодыми людьми. Азарт, игра, неправильно вынутая карта. Молодого человека громогласно называют шулером. Он наносит удар своему обидчику, к несчастью, слишком сильный, и жертва прощается с этим миром. Молодому человеку удается ускользнуть от властей и вернуться на Дальний Восток. Но какая-то сила знает о нем и грозит выдать его, если он не будет выполнять некие поручения политического характера. Он становится секретным сотрудником. Получает деньги. Но стремится снова стать свободным. Потом встречается на своем пути прекрасную женщину с золотыми волосами. Решение уйти от всего старого мира крепнет в его душе. Он решает придержать некоторые документы, чтобы иметь силы для контрудара. Бедняга не соображает, что ему нельзя бороться с этой ужасной силой. Между прочим, он успевает запутать в эту игру и «золотую даму». Она также во власти этой силы, благодаря связи с Толедосом. Они уговариваются бежать в Новый Свет. Они не знают, что руки их хозяев длинны. Обоим делаются предупреждения. Они наружно подчиняются, но втайне готовятся к побегу. Это не входит в расчеты их хозяев. И вот, в один прекрасный день, власти города Шанхая находят труп убитого синьора Толедоса. Молодой, энергичный сыщик Прайс нападает на след «золотой дамы». Он упорствует и почти вырывает у нее признание. В ту же ночь она умирает. Конец. Точка. Молодого Прайса спасает то, что он работает не один, а со

своим товарищем Грогом. Устраивать массовые избиения не входит в программу действий. Они остаются жить. Им даже предлагают деньги и свободу за самый малейший пустяк. Кроме того, здесь произошла роковая ошибка. Часть пропавших у миссис Робинзон бумаг как будто бы попала в руки Прайса. На самом деле, ничего подобного. У него нет ни одного листка. Никакого документа. Никакой улики. Он все же ловко пользуется ошибкой и в результате получается маленькая неприятность. Одному господину приходится бежать из-под ареста. А мне, мирному коммерсанту, и прекрасной госпоже Перейро приходится сидеть под домашним арестом у гонконгских властей. Впрочем, это не приведет ни к чему серьезному. Ошибка досадна, но не непоправима. Кажется, я рассказал вам все. Больше вы не узнаете ничего нового.

Немо замолчал и даже закрыл глаза, как бы утомленный своим длинным повествованием.

Прайс молча взглянул на Грога. Тот пожал плечами и даже слегка полуразвел руками, показывая всем видом своим полную покорность перед судьбой.

Прайс поднялся на ноги.

— Благодарю вас, господин Немо. — произнес он. — Я очень обязан вам за ваш рассказ. Теперь мы приступим к осмотру ваших вещей и встретимся с вами только уже в зале суда.

— Всегда рад встретиться с вами, — любезно ответил Немо, как будто речь шла о будущей встрече на великосветском балу.

Прайс и Грог поднялись со своих мест, готовясь к выходу из комнаты. Немо задумчиво и внимательно провожал их глазами, рассеянно покачивая головой.

— Жаль, очень жаль, — негромко повторял он. — Из вас вышли бы чудесные агенты.

Тщательный осмотр вещей господина Немо и госпожи Перейро открыл много сенсационных улик, но совершенно в иной отрасли. В двойном отделении чемодана зоркий глаз Прайса и чуткий нюх Грога уловили ряд важных документов, написанных шифром на шелковых носовых платках.

Когда эти платки были найдены и на них оказался ряд непонятных цифр, Прайс только улыбнулся и полез в свой собственный чемодан, где у него лежала книга «Робинзон Крузо», найденная им в вещах «золотой дамы».

Догадка его оказалась верна. Эта книга была ключом и здесь, очевидно, опять-таки потому, что в документах упоминалось имя Робинзон.

Эти документы, несмотря на свой сенсационный характер, но имеют прямого отношения к данному правдивому повествованию и поэтому не будут приведены на этих страницах. Вкратце можно упомянуть, что все они касались работы агентов Коминтерна в Китае, с рядом инструкций, указаний, наставлений и т. д. Самое важное было то, что властям стало понятно, что господин Немо, хотя и является видной фигурой среди работников Коминтерна, тем не менее, не является главным начальством. В документах все время говорилось о главном штабе и назвались какие-то вымышленные фамилии, вернее — клички партийных работников, которые должны передать требуемые инструкции. Упоминалось там и имя Немо. Очевидно, это была его партийная кличка. В одном месте он был назван «начальник оперативной особой группы».

— Очевидно, террористическая группировка, проводящая убийства по приказу центра, — пояснил Грог Прайсу. — В общем, мы захватили жирного караса.

Прайс гневно притопнул ногой.

— Меня возмущает, что при всех наших разоблачениях мы ровно ничего не можем поделать с ним. Улик в отношении синьора Толедоса не имеется. В отношении «золотой дамы» — также... То же самое можно сказать и о Перейро. Ее образ слишком туманен и неясен, чтобы убедить португальский консульский суд, который будет судить ее. И меня бесит, что они выйдут, как ни в чем не бывало, на свободу и будут снова работать в Шанхае, посмеиваясь над папп.

— Этого, конечно, не будет, — решительно возразил Грог. — Они все же провалились в качестве тайных агентов и их начальство отзовет их обратно. Такой провал перед соб-

ственным начальством для них страшнее наших буржуазных судов и арестов. Только подумайте, с какой физиономией они должны будут ехать обратно в Москву... И с какими физиономиями их встретят там... Уверяю вас, я не хотел бы быть на их месте. Перед нами они бравируют. Но в глубине их душ дарит смертельный ужас и страх, если не перед нами, то перед своими же.

— Пожалуй, вы правы, — раздумчиво согласился Прайс.

Предсказания Грога оправдались полностью.

Господин Немо и госпожа Перейро были возвращены в Шанхай со всеми захваченными при них документами. Госпожа Перейро предстала перед португальским консульским судом и, несмотря на сенсационные показания Прайса и Грога, фигурирование рокового снимка и так далее, она была оправдана судом по недостатку улик. Выходя из зала, она успела бросить злобно-торжествующий взгляд на Грога и Прайса.

Грог комически развел руками и поклонился ей глубоким поклоном истого джентльмена. Прайс только гневно закусил губу.

Ввиду того, что английское консульство не признало господина Немо английским подданным, он судился в смешанном суде, который не признал его виновным в участии в убийстве Толедоса и миссис Робинзон и приговорил его к двум годам тюрьмы за ведение коммунистической пропаганды на территории Китайской республики. Немо выслушал приговор так же спокойно, с полужакрытыми глазами. Спокойно он дал увести себя из зала суда обратно в тюремную камеру.

В тот же вечер Прайс и Грог, празднуя свою моральную победу, пили виски-сода на квартире Прайса.

— Я глубоко уверен, — произнес после второго бокала Грог, комфортабельно складывая ноги на спинку кресла, — что многоуважаемый господин Немо будет освобожден властями провинциальной тюрьмы месяцев через шесть, когда вся эта шумиха притихнет и публика начнет забывать о его существовании. И господин Немо, исчезнув из Китая, вынырнет где-нибудь в Афганистане, Персии или в Германии, уже на другом амшлуа. Но прежде всего, в Москве его ожидает разнос за провал дела в Шанхае. Они вели себя здесь самым: неуклюжим образом. А наш милейший доктор Шмидт... Что-то он делает сейчас? И вспоминает ли он нас?

— Я думаю, что мы остались самым сильным воспоминанием в его жизни, — сухо заметил Прайс.

— Мы забыли еще одного из героев дома по Бабблинг Вэлл род, — продолжал Грог. — Впрочем, вам простительно забыть его, так как вы никогда не встречались с ним. Но я имел эту честь и меня страшно интересует его судьба.

— О ком вы говорите? — поинтересовался Прайс.

— О том русском страже, который охранял меня в гостиной дома по Бабблинг Вэлл род, — пояснил Грог. — Если Немо был мозгом этой интересной компании, то этот страж был, несомненно, рукой, наносящей удары. Я не удивлюсь, если именно он является фактическим убийцей Толедоса и миссис Робинзон. Парень обладает колоссальной силой. И я видел в его глазах жажду крови.

Он может еще появиться снова на горизонте и попытаться отомстить нам за провал его начальника. Он будет действовать сам, по личной инициативе, без какого-либо распоряжения свыше. В этом отношении мы с вами в замечательно хорошем положении. Они готовы были бы утопить нас в ложке воды, но не рискуют сделать это только потому, что наша гибель вызвала бы слишком большую бурю. Но для этого стража все эти рассуждения могут показаться несущественными. И я искренне советую вам, Прайс, некоторое время держать револьвер у своей постели наготове.

— Вы правы, — лениво согласился Прайс, протягивая руку к бутылке.

Опасения Грога на этот раз не оправдались. Но о судьбе своего стража он узнал через несколько лет самым неожиданным образом.

Стоял 1928 год. В Шанхае жизнь текла по-старому. Прайс и Грог, уже в чинах суб-инспекторов, давно забыли о своем приключении с домом по Бабблинг Вэлл род. Политические события неслись одно за другим. Только что отгремело кровопролитное восстание в Кантоне, где вместе с восставшими коммунистами были расстреляны чины советского консульства¹. Между Китаем и СССР произошел разрыв. В Шанхае появились снимки каких-то смелых фотографов с кровавых событий в Кантоне. На одной из таких фотографий с мрачным реализмом можно было видеть трупы трех или четырех европейцев, лежавших в одних носках, навзничь, у знаменитой «стенки».

— Прайс, — неожиданно позвал Грог, рассматривавший этот снимок у окна главного полицейского управления.

Проходивший мимо ленивой походкой Прайс остановился.

— В чем дело? — справился он.

Грог поднял на него загадочный взор.

— Вы помните наше милое прошлое с домом по Бабблинг Вэлл род? — ответил он вопросом на вопрос.

¹ Речь идет об подготовленном Москвой и Коминтерном вооруженном восстании под руководством коммунистов в Гуанчжоу (Кантоне) на юге Китая (11-13 декабря 1927 г.), направленном против власти Гоминьдана. Во время кровавого подавления восстания были расстреляны пять сотрудников советского консульства.

— Помню, — равнодушно ответил Прайс. — Что ж из этого?

— Вы помните, я рассказывал вам о русском страже, охранявшем меня в гостиной этого дома, которого я считал фактическим убийцей Толедоса и миссис Робинзон?

— Ну? — нетерпеливо прервал Прайс.

— Он исчез тогда без следа и мы нигде не могли найти его, — невозмутимо продолжал Грог.

— Да.

— Теперь я нашел его, — торжественно произнес Грог.

— Где? — заинтересовался Прайс.

— Вот на этой карточке, — заявил Грог, указывая на мрачную фотографию в своей руке.

Прайс взглянул на крупную фигуру лежащего человека с откиннутой головой и большой всклокоченной шевелюрой.

— Вы уверены в этом? — заинтересованно переспросил он.

— Как я могу забыть это милое лицо, — задумчиво и мечтательно произнес Грог. — Как часто я видел его среди ночного мрака, просыпаясь от малейшего шороха и сжимая в руке револьвер. Как часто оно чудилось мне за моей спиной, когда я шел по темным улицам города, возвращаясь домой. Я узнал бы его среди тысячи лиц.

Прайс долго смотрел на мрачную карточку в руках приятеля.

— Что ж, — наконец произнес он, поднимая голову. — Старушка Немезида все же напомнила о своем существовании. Гибель синьора Толедоса и миссис Робинзон отомщена. И это дело можно считать исчерпанным.

— Мертвый в гробе мирно спи, жизнью пользуйся живущий, — продекламировал Грог, беря под руку старого приятеля. — Кстати, Прайс, что вы скажете, если мы сегодня вечером съездим в «Дель Монте»?¹ А?

¹ Известный ночной клуб и игорное заведение в старом Шанхае на западной границе Французской концессии.

КОММЕНТАРИИ

Роман «Тайна Бабблинг Вэлл род» был впервые опубликован шанхайским издательством «Слово» в 1937 г. Однако читатель напрасно стал бы искать имя Бориса Стронина в списках беллетристов «русского» Китая – такого писателя не существовало. Относительно псевдонима «Борис Стронин» имеются две версии. Первая гласит, что это коллективный псевдоним восьми шанхайских участников Содружества русских работников искусства «Понедельник» (1929-1935). Согласно второй, автором романа был литератор В. С. Валь (Присяжников, 1903-1970) – один из членов «Понедельника», сотрудник и редактор многочисленных газет и журналов (в том числе «Прожектор», «Слово» и «Искусство и мысль»), с 1945 г. – председатель шанхайского Общества советских граждан и сотрудник ТАСС, после репатриации в СССР в 1947 г. – заключенный ИТЛ, в конце жизни переводчик. Именно его имя означено рукой поэта В. Перелешина на экземпляре книги из собрания В. А. Слободчикова (ныне в РГБ): «Настоящий автор Присяжников Валь».

Действие романа происходит в Международном сеттльменте – одной из зон, на которые делился в описываемое время Шанхай. История сеттльмента восходит к Первой опиумной войне 1839-1842 гг., после которой Китаю пришлось открыть для международной торговли пять портов, включая Шанхай. Собственно Международный сеттльмент возник в 1863 г. на основе объединения британской и американской концессий. В отличие от таких колоний, как Гонконг, сеттльмент находился под международным управлением, но являлся суверенной китайской территорией. Сеттльмент управлялся Шанхайским муниципальным советом, в котором до 1930-х годов традиционно доминировали англичане (председатель совета в 1923-1929 гг., американский юрист С. Фессенден, также считался «пробританским» деятелем); за порядок отвечала так называемая Шанхайская муниципальная полиция, в которой и служат герои романа – детективы Прайс и Грог. Изначально состоявшая из европейцев, в основном англичан, ШМП со второй половины XIX в. включала китайцев, сикхов, японцев (с 1916 г.) и т.д. Одновременно в Шанхае имелась Французская концессия, фактическая, но неофициальная японская и Китайский город с землями вокруг концессий, находившиеся под юрисдик-

цией китайского правительства, что создавало немало административных сложностей. В конце 1941 г. территория сеттльмента была занята японскими войсками; официально сеттльмент был ликвидирован в 1943 г.

Bubbling Well Road (буквально «Дорога бурлящего источника»), подарившая название роману – это западный участок знаменитой Нанкин Роуд, ведущий к храму Джинган и действительно считавшийся в свое время «самой красивой улицей» города; название сохранялось за ней до конца Второй мировой войны. На этой тенистой улице располагались богатые особняки и здания некоторых консульств; известна она была и как излюбленное место автопрогулок состоятельных шанхайцев.

Роман публикуется по первоизданию с исправлением наиболее очевидных опечаток, разнобоя в именах и терминах и многочисленных неправильных согласований. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам. Написание имен, названий и топонимов оставлено без изменений. Издательство выражает благодарность А. Степанову за помощь в работе.

М. Ф.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.